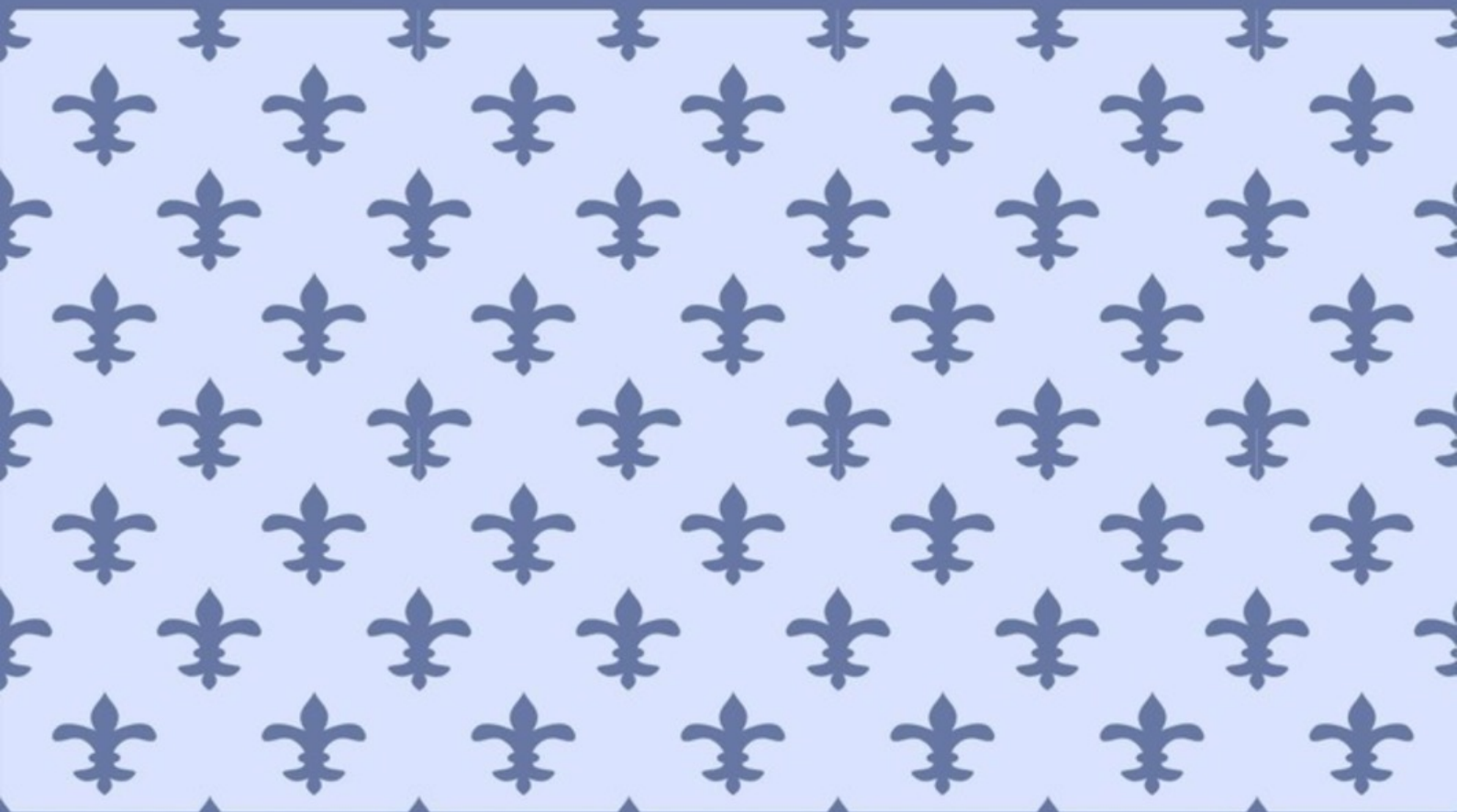

Анатолий Завражнов

ПОПАДАНЦЫ И ИХ ЖЁНЫ

Книга вторая. Земля бессмертных. Запад

Анатолий Завражнов

**Попаданцы и их жёны. Книга
вторая. Земля бессмертных. Запад**

«Издательские решения»

Завражнов А.

Попаданцы и их жёны. Книга вторая. Земля бессмертных. Запад /
А. Завражнов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-989422-9

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Кто
бы отказался отыскать родственников? Всего-то нужно проверить пять
магических миров — не спасать их, а просто прожить там неизвестно
сколько, внедриться в отношения между разными расами разумных,
сословиями, магами и бездарями, между мужчинами и женщинами, в конце
концов. Жители одной из древних планет почти погубили её... Туда для
разведки и поиска пропавших людей отправляется один из наёмников —
Андрей Малов. В настоящую магическую жизнь...

ISBN 978-5-44-989422-9

© Завражнов А.

© Издательские решения

Содержание

Земля Бессмертных. Запад	6
И пошёл Малов в люди...	7
Приживание	12
Красные заботы	28
Время малых перемен	51
Желтые заботы	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Попаданцы и их жёны

Книга вторая. Земля бессмертных. Запад

Анатолий Завражнов

© Анатолий Завражнов, 2020

ISBN 978-5-4498-9422-9 (т. 2)

ISBN 978-5-4498-8548-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Земля Бессмертных. Запад

Предупреждение

На взгляд Андрея Малова – взгляд центрального персонажа происходящих событий, повествование производит впечатление хвастливого вранья. Это если бы он сам рассказывал, а так – пусть их выдумывают. Правда, насчет выдумки – сочинить можно бы и похлеще, но это дело и хлеб многочисленных фантастов! А якобы хвастовство – есть, конечно, маленько... Даже больше, чем хотелось – не ожидал Андрей такого! Однако, если бы не совпадали в одной точке пространство, время и вышеупомянутый персонаж, зачем и о чем было бы рассказывать? Единственное, чем этот персонаж может по-настоящему хвалиться – тем, что жив до сих пор, да и то почти все сто процентов заслуги в этом тех, кто его готовил. А то, что готовили не к тому, что сами ожидали – не их вина. Сволочи – те, кто ими командовал... Не очень внятно? Так на то и дальнейшие подробности.

И пошёл Малов в люди...

Как Андрей Малов стал попаданцем – сам процесс? Легко! Беспросветная ночь, якобы погоня за ним, продирающимся сквозь заросли ежевики, боль от колючек, яркая вспышка холодного белого света перед глазами, снова темнота, удар бедного голого тела о землю... Все это было спланировано, а на дальнейшее – только одни предположения. Перечислять их бессмысленно, поскольку ни одно не сбылось. Хотя, почему же: попадание в плен, как таковое, предусматривалось, но потом-то – миллион вариантов, какой из них становится явью? Неодетый израненный Малов куда-то провалился и был схвачен крепкими руками за все конечности. Перед этим он почуял «прилипание» магического маячка в районе копчика. Захватчики сделали семьдесят два шага и небрежно швырнули Андрея на тряпье, которое двинулось в путь уже в повозке. Тряска, темнота и запах. Вот именно, что в первую очередь уловило сознание: чуть горьковатый, сильный запах – травы? Деревя? Кустарника? Цветов? Невозможно сразу вспомнить, но что-то донельзя знакомое, родное даже... А чем вспоминать-то? Мозг чист и прозрачен. Спрятанный разум вместе с памятью применять очень уж рано.

Спрятанное, «настоящее», сознание. Как бы его назвать? Часто придется обращаться в его скрытую глубину. Пусть будет «скрытень», во! Кому какое дело, а попаданцу проще. Всё же скрытень осмелился включиться, но анализировать ему было нечего, кроме перестука копыт, да дорожной тряски – не по асфальту двигались, это точно. Да вот этого всепроникающего аромата, который все же вспомнился и определился: «Белой акации гроздь душистые...» – подготовка к переброске прошла в этом цвету. Внутренний хронометр отмерил четыре часа с минутами. Снова конечности в чужих руках, минут десять переходов и лестниц, скрип двери – и Андрей в горизонтальном виде на «полумягком» ложе. Тишина. Можно и подремать, скрытень разбудит, если что.

Обследовали его тщательно: тело проверено и изнутри, и снаружи, мозги «отсканированы» вдоль, поперек и по диагонали. Особенно долго шуп крутился вокруг скрытня, но это облачко так в себя никого и не пустило – качественная работа! Процесс «попаданства» сработан, а больше ничего и нет. Маячок на копчике не привлек внимания – то ли свой, то ли хороший «шпион».

В разум поместили знание языка и ничего более. И то хлеб – не надо притворяться, что старый его аналог известен. Как этот язык соответствовал родному – Андрей не понял: не лингвист вовсе, не языковед какой! А внимание обратил случайно, обнаружив в местном языке слово «кибернетика». Оно было! Но ничего не означало! Ни-че-го... Но – было! «Ноутбук», «астрофизика», «хреновина», «ядрён-батон и ёшкин кот»... Слова есть – смысла здешнего нет. С географическими названиями не так – не было и слов. Это как это? «Самолёт» – всё, что может лететь само, то и самолет, Хоть корабль, хоть топор. Год, месяц, день – совпадает по соответствию, недели нет, есть – декада, вместо часа – круг, минута – градус. А Малов что, башку ломать должен собственную, чтобы тут выбирать, чего говорить, чего нет? Вот как придется, так и будет. Он – безумный попаданец, вам всё ясно, эй, кто вы тут?

Происходило это в течение суток, дольше находиться без сознания не было позволено. Хотя до того, как поневоле очнуться, удалось подслушать обрывок разговора. Два примечательных персонажа – это только по звукам, глаз Андрей не открывал – находились за прозрачной перегородкой, уютно устроившись в креслах возле столика с кувшином, кубками и закусками, разглядывали недвижимого найдёныша и неспешно говорили. Точнее, в основном один говорил.

– ...ничего необычного, кроме двух или трех моментов: абсолютно пустой разум с единственной картинкой, я уже показывал её тебе, наместник. Такие же пустые энергоузлы, но!

Сколько их у тебя, два? У меня четыре, больше нет ни у кого в королевстве, а у этого – восемь! Кроме белого, ни на какой цвет не реагируют, да и белый не держат. И нету у них связи с мозгом. Потому – абсолютный бездарь! А в самом мозгу, и это главное, непонятный клубок: то ли серый, то ли туманный. В себя не пускает, на свет всех цветов отвечает мелкими белыми вспышками, а при прикосновении белого внутри появляется что-то вроде пузырьков. Непонятно...

– Тогда зачем это неразумное растение вам, а, значит, и нам? Продай его кому-нибудь для зрелищ, сам говорил, да и я вижу уже, что он из воинов – что тело, что мозоли. Сам куплю, если не дорого запросишь.

– Может, и продам. Только планы на него у меня очень немалые. Маленько откроюсь сейчас перед тобой – уж скоро двадцать лет вместе, знаем друг друга, как облупленных... почти. Ясно, что государственные и церковные интересы кое-где не пересекаются, а из-за отношения к церкви нашего короля и противоречат нередко. Сам помнишь причину. Король никогда не забудет и не простит смерть любимой жены. И кардиналу придется еще повертеться! Однако меня заносит... Давай-ка выпьем помаленьку из моих подвалов! Но заносит не зря: надоели мне все эти высшие лицедейства, сколько уж времени продолжаются поиски пресловутого «жезла власти», сколько экспедиций снаряжалось в «страны без тени», сколько я им отдал этих чужаков... Всё напрасно! Бездари – они не тут, а в нашем Главном Храме! Не удивляйся, наместник, я их давно в грош не ставлю всех во главе с кардиналом! И вот этого... это растение я просто придержал, мягко говоря. Не буду переправлять к кардиналу, пошёл он... Ты, разумеется, не в курсе, чем завершилось последнее плавание, кто б тебе рассказал! Да и мне тоже... Назначили руководителем епископа Фула, глупца и властолюбца невиданного! Им много чего удалось. Чужак опускался в океан вдоль огромного участка «Чёрного Кольца», исследовал его, указал дальний путь на закат. Так в первом же порту местных... об этом не буду пока – о местных, то есть... почти договорились о торговле, о каких-то отношениях в целом! Было такое в истории, было? Открыть неизвестную жизнь! И проср... загадить всё! Этот идиот Фул позволил экипажам «развлечься», как матросня тут умеет! Дошли до воровства местных женщин, не говоря уж о пьяных дебошах и драках! Тот народ – не мягкое тряпье, да и оружие у них не чета нашему, хоть и магии вовсе нету. Одни наш корабль сразу пошел ко дну, второй почти оторвался от преследования и добрался до запретной черты, да куда б он делился с пробитыми бортами! А ещё на них морские твари поднялись... И чужака тут потеряли! Местные тоже, видимо, испугались, отвернули, и единственный корабль, который во время событий в порту болтался на рейде, кое-как успел уйти. Фул был на нем. И что? По приходе в Мирну весь экипаж, согласно указанию кардинала, был перебит. Фул после подробного отчета загнан к Серому в пекло. И никаких телодвижений! Может, конечно, король тоже не поставлен в известность – а зачем это кардиналу, вдруг государь свои корабли начнет посылать? Вдруг ему повезет? И где будет кардинал со своими властными амбициями и мечтами? Сильно подозреваю, что эта тупая, но хитрая бестия всё же готовит новый поход в самой страшной тайне. Недаром же организовал приют-монастырь неизвестно где. И неизвестно, кого там готовит. А я поставляю ему сырье – будущих магов! Откуда я всё это знаю? Да был все же на корабле один из моих... послушников. Точнее, был-то не один, но вот этот такой опасливый и осторожный оказался, что догадался смыться с корабля до прихода в Мирну. Трое их ушло, но договорились не встречаться, чтобы жизни сохранить. Так что еще двое знающих где-то по свету ходят. Где и чем обернутся их знания, один Серый знает. А я не один умный, и нас могут опередить.

Нет, не буду лицемерить, я сам власти хочу, только почему вместо собственных действий я на кретинов должен пахать, а? В общем, наместник, я решил думать и действовать сам. Для себя! Говорю тебе об этом прямо, поскольку все равно от тебя не скрыть своих приготовлений на этом острове. А ты решай: со мной ли, королю ли с кардиналом поспешишь донести, либо просто в сторонке постоишь. Хотя, последнего как раз не удастся, в любом случае ответ

держат. К спешке еще подстегивают явные потуги кардинала убрать меня отсюда. Может, уже и заподозрил чего. Недаром полгода назад прислал сюда родственника-епископа якобы для усиления безопасности нашего храма, знаешь небось. Мою, Серый, безопасность усилить! Наверняка докладывали тебе об этом сластолюбце, который к тому же набрал себе охрану из отпетых уголовников. Что морщишься, ты же в курсе, конечно. Вот и действуй в соответствии с законом, несмотря, что епископ. Пальцем не шевельну в защиту. Фу... А к чему я тут малиновкой заливаюсь? Вот этот найденыш как раз и может оказаться ключом к власти, понял, наместник? Ни за какое золото не отдам я его кардиналу, сообщу, что попался обычный мужик, скажем, из Эстории. Уж в оранжевый-то цвет перекрашу... Вот так!

Но сначала надо проверить его полностью, то есть в жизни, что он такое. Пусть разума нету, так тело обязательно что-то вспомнит: оно же работало – воевало, землю копало, по деревьям лазило, на лошади скакало... мало ли! А там, может, и разум зашевелится. И восемь узлов! Он же может оказаться живым энергохранилищем! Так что отправлю в тайный центр поиска магов – там специалисты есть, да и охрана из неслабых наемников – может, у них себя покажет.

...Вот так так! Это везение, галлюцинация или подстава? Чтобы буквально в первые часы пребывания в нужном месте (в которое еще попасть было проблематично живым!) получить массу важнейшей информации! Такой счастливый билет лотереи-спринт! Поневоле охватят недоверие и настороженность. Однако дальнейшее покажет. Если будет, кому показывать! Нет, честно, такие «бонусы» любого в пессимизм загонят! И что за Серого тут неоднократно упоминал этот храмовник? Присловье местное, ругательство на все случаи? Надо быть поосторожней со своими «чертями», «дьяволами», тем более – с «блинами, фигами и хренями». К чему недоумения вызывать? Но для личного пользования можно и оставить – к «блинам» не привык, а другое бывает необходимым.

Разговоров с Андреем долгих не было – о чем с неразумным говорить? Правда, без подробностей, но представились: один – наместник короля Северных островов Кристо, второй – епископ красной церкви Андруа, по приказу которого за Андреем будут наблюдать. Надо же: тёзка высокопоставленный обнаружился!

– Три дня проживешь здесь, незнакомец, под присмотром специалистов, потом переместишься в деревню, в лечебницу, покажи себя, если сможешь. Ну, а не сможешь, решим, что с тобой делать, причем скоро.

Очень оптимистично! Три дня крутили, вертели, просвечивали, лазили в мозги и во все остальные места... Вопросов было мало, ответы искали в сером пятне, но вот – Серого! Ничего им скрыть не выдал.

И пошёл Андрей Малов в люди. Хоть и не сам. Одели в рубаху, штаны, сапоги, какое-то подобие теплой куртки и за пять дней довели до места. Единственное, о чем удалось спросить епископа перед отправкой: кому он в лечебнице будет подчинен и подотчетен? Не каждый же встречный-поперечный им вертеть обязан? Ответ был однозначен: за найденыша в ответе руководитель и хозяин лечебницы маг Кленорель. Только его указания, либо через него же переданные епископом, могут быть приняты к исполнению. Хотя выпендриваться, в целом, не рекомендуется, можно не дожить до решения-то... Чего тут непонятного?

Действительно, деревня среди леса. Можно бы её назвать селом или поселком причем немаленьким: дворов и чего-то похожего на обычные городские строения разного калибра, навскидку, не менее трехсот. В середине поселения стояла церквушка (или храм?) рядом с помещьем, довольно большим по территории. Сюда и направились группа сопровождения. Три больших двухэтажных здания, образующих замкнутый треугольник с тремя проездами. В центре – круглое сооружение со своеобразным шпилем: наверху был укреплен матово-красный шар, диаметром с полметра примерно. Такой же и на храме в посёлке отмечался. По внеш-

ней стороне «треугольника» располагались жилые домики, хозяйственные постройки, и всё это было окружено забором из заточенных, вертикально поставленных брёвен. От кого защита? Надо думать, было от кого: от волко-кроликов, может, или жабо-людей... Или от поселковых любопытных.

Сопровождающие сдали Малова по описи охране, та отвела его в самое большое здание, видать, к хозяину, которым оказался невысокий старичок с бородкой клинышком, седой, с черными пронзительными глазами. «Очки бы тебе! – подумал Андрей неприязненно. – Круглые! Пенсне бы!». Изучив послание епископа, причем он приложил какой-то камешек к виску, доктор, как обозвал его мысленно пациент, начал внимательно того разглядывать.

– Как звать? – вдруг резко спросил он.

– Андрей.

– Превосходно. Это что? – ткнул пальцем в стол.

– Как что? – Малов растерялся. – Стол, по-моему.

– М-да... – доктор расстроился. – А это? Это? Это? – он тыкал тем же пальцем в стену, дверь, окно, свою куртку, кинжал на поясе...

Андрей честно отвечал, жалко, что ли?

– Сволочи! Бездари! Вредители! Говорил же, что нельзя давать знание языка... Придурки!

Это отчего же нельзя? А... Скорей всего, при произнесении имени «Андрей» доктор заметил активность скрытня – это ж старое воспоминание, а остальное – из местного фольклора. Умный, однако.

– Значит так, сейчас тебя устроят, – доктор поднес ко рту предмет типа свистка. – Будешь здесь завтра утром после трапезы. До полудня каждый день – у целительниц, после обеда – в распоряжении управляющего, в быту он для тебя главный. Моё имя – Кленорель, я здесь главный лекарь-маг, но обращайся ко мне «хозяин», понял?

Вошел пожилой упитанный мужик, поклонился хозяину.

– Принимай работника, Миха! Одень по-людски, всё покажи, командовать им никому не позволяй! Свободны!

Показал Миха Андрееву... мм... келью: кровать, столик, кресло, комод... Вполне приличный санузел, даже имелось нечто среднее между ванной и большой лоханью. С водопроводом. Выдали одежду: и нательное, и теплое верхнее, крепкие сапоги, малахай. Прошли на кухню, управляющий представил Малова главной кухарке, распоряжайся, мол, сегодня. И каждый день, если работа найдется. Марвина поручила натаскать воды, наколоть и притащить дров. Чем новоселец и занялся с полным удовольствием – засиделся и залежался уже, хоть и делал элементарные разминки по дороге. В дровяном сарае обнаружилась огромная гора неколотых чурбаков, так что он после обеспечения кухни необходимым количеством топлива помахал топором еще. Колунов не выдумали, что ли?

Солнце близилось к горизонту, Андрей уселся на бревнышко недалеко от стены дровяника, накинул на плечи куртку, прищурился блаженно. Однако не надолго. Со стороны ближайших входных ворот на хоздвор вошли три воина в кольчугах, при мечях, ведя в поводу коней. Направились к колоде-поилке, на это время пустой.

– А вот и поилец! – крикнул один, увидев отдыхающего парня. – Никак, новенький? Давай-ка, чурбан, живо натаскал воды в колоду!

Малов с любопытством посмотрел на троицу неожиданных работодателей, но с места не двинулся. Еще чего – у него Миха командир!

– Ты оглох, дубина? – сходу завелся нетерпеливый такой. – А ну, встал и за бадьей! А то...

– А то – это что? – поинтересовался Андрей, краем глаза заметив, как с другой стороны двора в их сторону направляется Миха.

Но управляющий не успел. Подскочив у «бездельнику», воин замахнулся рукой в перчатке. Мало не показалось бы! Только он перелетел через Андрея и врезался в стену сарая. Сарай сотрясся и жалобно загудел, а нападавший сполз на землю и затих. Двое потянули из ножен мечи, а Малов ждать конца этой процедуры не собирался: у левого рука сломалась чуть выше перчатки, а правый получил ногой... туда, где его ноги срастались. Один заорал, ухватив конечность, второй сложился пополам и прилег.

– Значится, мне приказано не позволять тобой командовать, – утвердительно произнес подоспевший Миха. – Вижу, ты это тоже понял.

Он поднес ко рту уже виденный «свисток», наверняка переговорный амулет, или просто «переговорник» – название было в языке.

От одного из зданий к месту происшествия направился здоровенный мужчина при оружии. С недоумением оглядел «поле сражения», схватил за поврежденную руку потерпевшего, тот заорал.

– Трувим! – голос Михи был весьма строг. – Твои придурки напали на новичка, а хозяину не понравится, что его имущество кто-то захотел испортить в первый же день.

«Имущество»! – вон оно как! Статус нового жильца прояснялся.

– А, может, он сам начал... – произнёс названный Трувимом, видимо, командир стражи. И осёкся, поняв, что сморозил чушь: один безоружный на троих с мечами и прочим – сам? – Миха, а хозяину это надо знать? Жаловаться же будет Колерону, не знаешь его?

– Это чьи проблемы-то? Либо на вас жалоба, либо на меня штраф – не уследил. А узнать – узнает без меня, еще хуже будет... – Миха опять чего-то проговорил в амулет, прислушался. – Всё, пошли, вызывает нас троих!

Кленорель хмуро оглядел всех по очереди, остановил взгляд на Трувиме.

– Стало быть, такая у меня стража... В поместье с безоружными, конечно, проще воевать, чем с волколаками. И чего вы не поделили? – ни с того, ни с сего обратился он к Андрею.

– Так ничего мы и не делили, – простодушно признался тот, – просто не сошлись во взглядах на организацию внутреннего хозяйства и затеяли маленькую дискуссию. Мои доводы оказались убедительнее, оппоненты удовлетворены... Я – тоже.

– Та-ак... – протянул хозяин. – Лжи не заметно, но какие слова! Доводы, значит... И дискуссия... И оппоненты. Вы, двое, поняли, что сейчас Андрей произнес? – двое отрицательно мотнули головами. – А ведь он твоих выгораживает, Трувим. Зря, конечно, но у него это получилось. Так что сам с ним договаривайся! Свободны!

А чего ж не договориться с новичком? Вина потерпевшие много выставили... Умений Малова трогать пока не стали, зато по поводу женщин просветили вполне. Процесс «прижизнения» чужака пошёл! О «женщинах» – тот прибалдел. От многого, наверное, такое состояние «балдежа» еще случится. Однако... В принципе, оно – как везде. Только в этом мире женщин четверо больше сильного полу. Такова давняя стабильная статистика. И она сильно повлияла на «институт семьи», так скажем. Были места с традиционным подходом – это значит, в семье три-четыре жены, могли быть варианты. Наоборот – невозможно, но как подсказал один из наемников, в женских королевствах благородные дамы могли себе позволить. И тут «женские государства»! Знакомое уже явление. Но традиции бывают разные. Тут еще свое слово сказало увеличивающееся бесплодие. Кое-где женщине вообще замужество не светило, если она до того не родит. Существовали семьи-коммуны с общими женами, мужьями и детьми... Куда ты, Малов, попал-то?

Приживание

– Подлечить? – участливо улыбнулась Марвина с рассветом, когда не выпавшийся попаданец явился в кухню.

– Подлечить, – согласился тот, с трудом вспоминая минувшую вечеринку.

Все свободные от дежурства стражники решили примкнуть к пятерым, и даже Миха не устоял перед халявой. Кажется, и хозяин заглядывал, но принял ли участие в веселье – уже не помнится... Помнится, что после женской темы начались всё-таки вопросы, каким это каким с виду не боец, безоружный, троих уложил? Хорошо, до показа не дошло.

– А как? Не будет лечение болезненной травмы?

– Не будет, – усмехнулась спасительница. – А жаль, надо бы вам, мужикам давать помучиться, как следует. А то стоит только дорваться... Ладно, выпей отвару да дай башку сюда пустую... – Марвина протянула изрядный ковшик с приятно пахнувшей микстурой и приложила ладони Андрею на лоб и затылок. Он сразу почувствовал идущее от них тепло прозрачно-зеленого оттенка. Магиня?

– Нет, я не целительница, – будто прочитала мысли Марвина, – просто приходится иногда мужа приводить в чувство, научилась маленько. Одна сковородка-то не больно лечит. Да у моего мужа Архена еще жена... была. Хорошая травница. Учила меня немножко. Жаль... Она... В общем, нет её, дети остались...

– Благодарю, спасительница! Дрова нужны, вода?

– Нужно немного, только что это ты сам-то вызываешься? Не по чину, вроде. Тобой вон только Миха командует, да к хозяину после завтрака...

– Значит, по-твоему, жрать – это всем по чину, а дровец на кухню доставить – это извини-подвинься?

– Вот сколько здесь таких побывало на моей памяти – с десятков, не меньше, что-то ни у кого таких мыслей не было. Именно что пожрать!

– И где они?

– Да мне-то откуда знать? Кто неделю, кто месяц – «пожрали», с хозяином пообщались, да и сгинули отсюда. А куда – какое мне дело?

Так, пошла информация, хотя, куда её засунуть, такую? Поработал, что еще более улучшило состояние организма, тем более что и улыбки благодарные заслужил от марвининых помощниц – приятно же, когда тебе с утра женщины улыбаются. Позавтракал вместе с унылой помятой стражей в общей трапезной. Отправился на прием – назначено! И очереди никакой!

Постучал, вошел. Кленорель сидел за столом, уперши взгляд в расчерченный лист пергамента. Молча указал на кресло напротив себя.

– Присаживайся, – вздохнул он. – Ничего мне насчет тебя не понятно. Ничего не вспомнил? – пристально взглянул в голову Малову. – Тьфу! Сплошная пьянка... Как это ты быстро подлечился?

– Марвина... – пожал тот плечами.

– Уже втерся на хлебное место! Видать, помнишь ты все-таки немало: драка, винопитие, кухня с дровами и водой, непривычное выстраивание слов... Помнить-то помнишь, только никакой реакции разума не вижу. Сволочи торопливые! – опять взъелся Кленорель. – Смотрю я, три дня они тебя обрабатывали, чем могли: и магией, и светом разных цветов, и всем этим вместе взятым, и по всему мозгу пошарили, как и по остальному телу... Ничего не поняли, а на исследования времени у них нет. Да какого к Небесам времени – мозгов у них нет! А ты чего молчишь? – переключился он вдруг на Андрея.

– Так вопросов-то нету...

– И не будет. А будет такое указание: с тобой работают мои помощники по особому плану, тебе не обязательно его знать подробно. Остальная часть твоего дня – в руках Михи. Можешь со стражей заниматься, можешь землю пахать, можешь... всё, что вспомнишь. Но главное – старайся вспоминать мозгами всё, что угодно. Встречи со мной – по моему вызову. Свободен! Нет, не свободен! – хозяин чего-то забормотал в амулет.

Через минуту в кабинет вошла девица молодых лет – на вид не больше двадцати, но кто их тут, магов, знает. Росту среднего, отнюдь не миниатюрка. Белобрысая, волосы перетянуты красной лентой. А брови чёрные – свои, не крашенные. Глазищи серые и огромные, губы чуть припухлые – вроде, не шибко во вкусе Андрея. А какие у него вкусы?

– Мирэй, вот тебе подопечный, что делать – знаешь, наблюдай, учи чему-нибудь, знакомь с лечебницей. Каждый полдень рассказываешь мне об успехах. Хотя, сомневаюсь что-то в них... Единственный запрет: не пытайся проникнуть в его голову в серое облачко! Ладно, – хлопнул рукой по столу Кленорель. Ну, имечко выбрал доктор-маг! – Андрей, эта дама – Мирэй, красная магиня, начальница над персоналом лечебницы, в её руках и всех остальных местах твоё утреннее время вместе с тобой. Свободны!

«Свободны»... Самое его любимое слово или насмешка? Эта Мирэй, судя по её поведению, свободной считала только себя – такая двигалась... никого рядом! Молча прошли коридор, повернули в другой, чуть продвинулись еще. Мирэй открыла дверь, и оказались они в некоем подобии врачебного кабинета. В застекленных шкафах расположились муляжи чело-вечьих и еще непонятно чьих внутренностей. Хотя, может, это и не муляжи вовсе – магия, все-таки! Да все равно. Пучки разнообразных трав в большом количестве развешаны по стенам, а запахов нет – снова магия? На столе что-то типа микроскопа, что потом микроскопом непри-вычной конфигурации и оказалось. Еще непонятные приборы, наверное, были и осветитель-ные, поскольку оснащены разноцветными фильтрами – то же находилось и в парочке шкафов. Железяки, стекляшки, деревяшки... Малов старательно делал вид, что никуда не смотрит – это было не трудно, поскольку было нужно. Он не смотрел на магиню и во время перехода от хозяина. Заметил, что её это несколько злит, почему это? А также увидел в её фигуре и жел-тую отметину, подобную собственной. Это уже очень интересно, а еще более интересным ока-залось то, что красный цвет её ауры, а, значит, и магии, был маскировкой – под оболочкой светилась желтизна. Ну-ну...

– Садись! – указала Мирэй на стул возле стола и повернулась к одному из шкафов.

Андрей стоял. Магиня достала прямоугольный контейнер, в котором находилось восемь молочно-матовых шаров, срезанных по одному боку. Срезы были закрыты светофильтрами солнечного спектра плюс белым.

– Почему стоишь?

– Не могу сесть, пока стоит женщина, – сообщил он равнодушно.

– Я здесь тебе не женщина, а главная лекарка-целительница, понятно? Так что выполняй приказы с первого раза!

– Вот, когда мне объяснят, так сразу и становится понятно, – Малов разместился на ука-занном стуле, все также глядя мимо Мирэй. – А изначально женщина для меня – женщина, это потом она повариха, магиня, начальница или лекарка... Или королева.

– Даже так? – слегка изумилась магиня. – Интересный подход и расстановка слов. Что-то я не заметила этого твоего... отношения к женщине, пока мы шли.

Мирэй расставляла по столу свои шары. А заодно бродила по Андреевым мозгам и остальным частям, задерживаясь у «клубка» в голове и у энергетических узлов, которые рас-полагались парами по сторонам позвоночника. Удовлетворённо хмыкнула, обнаружив «жел-тое» пятно, интересно, а о своем-то знает ли?

– А его и нет, отношения. Просто факт. Вот сидеть в присутствии стоящей женщины – это уже из области отношений.

– М-да... – лекарка успокаивалась, непонятная злость исчезала. – Сколько дней тебя изучали в храме?

– Три... Если это называется изучением.

– Называется, – хмыкнула Мирэй. – Правда, Кленорель дает этому иное определение, оно не для неразумных ушей... Давай так. Что ты знаешь о магии?

– Для начала, сообщите, уважаемая, как я могу к вам обращаться, чтобы не нанести ущерба вашему магическому, лекарскому и женскому достоинству?

– Да, явно где-то там... – Мирэй покрутила рукой над головой, – ты был не из простых. Что же, здесь я для тебя – госпожа Мирэй. Кстати хорошо, что сразу поставил на место этих... простолюдинов-наёмников. С ними иначе нельзя. Только непонятно, странно и, в целом, недопустимо то, что ты с ними начал пьянствовать на равных, – магиня даже скривилась.

– Вон оно как, госпожа Мирэй... – протянул Андрей. – Значит, вы все такие... благородные, недостижимые, что ли, а все остальные: наемники, земледельцы, кузнецы, повара, ткачи и прочие – типа мусора, с которым и говорить-то противно, не то что за одним столом сидеть...

– О чем это ты? Да, есть благородные по рождению или по признанию, есть маги, приравненные к благородным, а есть те, кто обязан им служить и обеспечивать всем необходимым: простолюдины, бездари. И отношение к ним...

– Презрительное, чванливое и спесивое. Понятно. Пользоваться тем, что они дают: одеждой, едой, охраной, жильем – это пожалуйста, а общаться на равных, тем более уважать – это уже зазорно, это не по обычаю. Кстати, а как же вы лечите тех, кого презираете? Не противно прикасаться к ним?

– Это долг врачей, целительниц. Тебе пока не понять. И что ты вообще можешь сообщать, если ничего не помнишь? Твое дело пока – выполнять мои распоряжения, а не всякую ахинею нести.

– Тут вы правы, госпожа Мирэй. Ничего не помню головой, но сущность моя вспоминает. И сейчас она мне говорит, что ей работать с вами неприятно и даже отвратно, – магиня начала багроветь. – А что вы гневаетесь? Я не собираюсь врать или прогибаться перед неизвестно кем, считающим себя пупом земли мелкого масштаба. Так что откажитесь от работы со мной – спокойней будет! Или я сам переговорю с хозяином.

– Ты не посмеешь! – прошипела пунцовая Мирэй. – Это не твоё дело, кто с тобой работает, понял?

– Посмею, если на то пошло... Начальница высокородная нашлась! – Андрей начинал закипать. – Не хватало к другим заботам каждый день со спесивой дамой встречаться!

– А ты что, не зная ничего, судить берёшься наши порядки? Тебе какое дело до них... – Мирэй вроде как бы и растерялась.

– Да на кой мне сдались ваши порядки! При чём здесь они – порядки, традиции, обычаи, законы? У каждого человека должна быть такая штука... совесть называется, не слышали, госпожа? Она и определяет, как себя вести с другими. В ваших привычках всех под одну гребенку величать? Что, среди простолюдинов нету бездельников, а среди вас, благородных – подлецов? Нету, госпожа Мирэй?

– Наверно, есть... Но... и другие же...

– Вот именно! Каждый заслуживает того, чего стоит. Не собираюсь я ваши порядки менять... пока. Но и оскорбления в адрес тех, кто не в той семье родился или даром не владеет – не собираюсь тут выслушивать, от всяких... ясно? Лучше уж сразу сообщите хозяину о моем поведении и живите себе спокойно... в благородстве!

– У меня работа, служба, я... я получила задание, ты сам слышал...

– И много вы наработаете с тем, кому противны? А, впрочем, мне по барабану. Мне с вами детей не крестить. Работайте, благородная магиня госпожа Мирэй, распоряжайтесь! Отвечаю на старый вопрос – о магии не знаю ничего, она для меня – темный лес.

Минут десять магиня приводила в порядок чувства, бесцельно двигая по столу разные предметы. Привела, начала говорить, вначале – сквозь зубы, затем – чуть свободней. Но головой иногда встряхивала. Кобыла...

– Придется тебе побродить по этому лесу. Но предупреждаю, что проводница из меня – не знаю, какая. Наверное, очень нервная. По опыту с предыдущими клиентами – могу и прибить, хоть, лекарке и не полагается. Всё будет зависеть от того, как память твоей сущности будет воспринимать новые знания и меня. Понятно?

– Как воспринимаетесь вы – я уже сказал, а в остальном – чего ж непонятного, это пока и ежу понятно!

– Что-то кажется мне, – задумчиво произнесла Мирэй, – кажется, что это я от тебя много нового узнаю. ...Да не могу уже я сегодня ничего делать! Оставь меня...

За декаду с лишним, на которые делятся здешние месяцы-циклы, Малов много успел узнать. Много – сравнительно, конечно, поскольку не знал ничего. Например, снова о «граду-сах» – это те же минуты, час – круг. Употреблял и то, и другое – какая разница? Мирэй делила встречи на три части: во-первых изучала, можно сказать, «наблюдала» пациента, во-вторых, заставляла его это делать самого. Как она объяснила, поскольку она сама лекарка, то ей проще будет попробовать обучить и Андрея этому ремеслу, если он вообще на что-нибудь годится в магическом аспекте. Ну, и третья часть общения состояла в объяснении Маловым непонятных ей слов и выражений. Тот же «аспект» её просто покорила.

Поиски в «темном лесу» начались с первых занятий. Магией тут владели далеко не все, где-то процентов десять населения. Поэтому потенциальных магов искали все сообщества, причастные к этому искусству. Что маги могли: ставить защиту на свой и чужой разум, а копаться в головах других разумных – далеко не все умели. Только те, кто сильнее «пациента», или специально обученные – а такие стояли на учете при канцеляриях королей. При чем зря говорят, что маги читают мысли – не всё так просто! Слова, язык – дело индивидуальное, попробуй прочти запутанные, как «борода» на катушке рыбака, цепочки слов! А вот образы – картинки, звуки, то что видел человек, увидеть и услышать в его голове, оказывается, можно. Можно определить, лжет он или нет. Были маги-лекари, погодники – весьма слабые, управленцы неразумными: животными, птицами, рыбами... Управленцы разумными тоже были, но находились под серьезным контролем со стороны всех магических союзов, лиг, гильдий и цехов – иначе эти «гипнотизеры» могли бед наворотить. С помощью магии заключали договоры, давали клятвы, обещания, искали пропавшее... Маги-боевики тоже были, но эти «работали», в основном только с амулетами. Напрямую, всякими там заклятьями, неприличными жестами воевать мало получалось. Хотя и такие уникалы имелись – их справедливо опасались.

Магами мог стать тот, у кого организм имел не только энергетические узлы-накопители, но и связь их с мозгом. Вот тут для всех были непонятки: узел определенного человека, мага реагировал только на определенный цвет – по этим цветам и организовывались сообщества. Более того – и государства располагались в основном там, где во время «свечений» преобладал свет, соответствующий аурам разумных. Разумных – в смысле, магов. «Бездарям» было почти без разницы, где жить. Они и переманивались активно разными способами. Особенно мужчины по уже известной банальной причине: их было в четыре раза меньше, чем женщин! С этой издевкой демографии справиться не мог никто и никогда! По этой же причине и больших войн не было. Случалось: набеги, пограничные конфликты, разбойные нападения, баронские разборки, столкновения с пиратами, международные церковные интриги. Да еще, пожалуй, главная беда – наличие второй расы обитателей мира – волколаков. Эти оборотни, жившие, в основном в недоступных горах и под ними, находились в состоянии постоянного вооруженного нейтралитета с людьми. И не упускали случая напасть, ограбить, увести пленных... Кон-

фликты обострились в последние пятьдесят лет. Это было. А настоящих крупномасштабных войн между государствами никто не помнил. По использованию же энергии – никакой почти разницы, как уже отмечено. Но, как следует потрепав нервы Мирэй пару часов, Малов получил не очень внятное разъяснение.

– Андрей, об этом говорить вообще-то не принято, но ты меня достал, – вздохнула «проводница». – Любую тему на эту сворачиваешь... Слушай. Это просто. Маги разных цветов отличаются друг от друга только степенью агрессивности. Даже исследователь Кленорель больше никаких особенностей не обнаружил! Но отличаются сильно: от крайне воинственных и даже жестоких красных, до фиолетовых пацифистов. Понял? Все, что между ними – переходные стадии.

– А как же вы сама, госпожа Мирэй? – поинтересовался слушатель. – Какой-то особой жестокости в вас не вижу, кроме высокоблагородной спесивости. Красная ведь магиня, а, госпожа Мирэй, воинственная?

– Я – это моё дело, не лезь... – видно, что Мирэй еле сдерживалась от грубости. – Агрессивность – она внутри, можно научиться сдерживаться. Что сложно делать при тебе. Особенно, если не приближаться к магам-церковникам. Вот те используют возможности своего цвета... как ты говорил? Да, на полную катушку. Тебя обнаружили именно они. Ты их чем-то серьезно заинтересовал, скорей всего, уникальным количеством энергоузлов. И еще тем, что эти узлы не реагируют ни на какой свет, кроме белого. Да и то... слабо и без связи с мозгом. Сами ничего не поняли, передали Кленорелю. А у него с ними какой-то договор. Деталей не знаю, но они передают ему материал для исследований, финансируют эту лечебницу, а он отдает им результаты исследований, да еще сообщает об обнаруженных потенциальных магах. Возможности для этого есть – за лечением много народу обращается. Из наших пяти деревень и сел, да и издалека нередко бывают – не со всеми недугами справляются местные лекари, травники да знахари...

Вот это уже серьезная информация – о потенциальных магах. Только к чему бы её присобачить? Но «зарубки» нужны, тем более что с помощью Мирэй Малов «начал обнаруживать» в себе задатки мага-лекаря. Белого мага.

К самой Мирэй за эти дни он как-то... притерпелся. А что скрывать от себя – нравилась она ему всё больше, как женщина, и все дела! Ему она свои высокомерные замашки больше не демонстрировала. Почти... Другим? С другими-то Андрей её и не встречал, кажется. А если бы? Спесь по отношению к «другим», особенно знакомым, воспринимается более болезненно. Попробовала бы она той же Марвине изложить что-либо со своей благородной магической колокольни! А так – кто знает, откуда это в ней? Что у неё вообще за судьба? Маскирующаяся под «красных» «жёлтая» шпионка – это что – семечки для девчонки? Ситуация вообще непонятна – за кем здесь шпионить? К «бездарям» типа Трувима или Марвины у «желтых» магов вряд ли много интереса. А Кленорель, для которого Малов – имущество, или епископ Андруа, готовый продать попаданца в цирк, – да против них Андрей и сам готов помочь, если что. Собственно, внешне отношения к ней он не изменил, чего и не скрывал, однако начал позволять некоторые словесные... вольности – иначе вовсе тягостно.

Несколько дней подряд Мирэй, поведав про основы магии, и осмотрев пациента с ног до головы изнутри, учила его «познавать самого себя». А тот никак не мог понять, что это такое, задавая глупые вопросы, типа «Чего это я должен в себя смотреть, давайте лучше на вас, госпожа Мирэй? Или в вас, а?», или «Как я могу ни о чем не думать? Вот вижу стол – мысли о столе, вижу метлу – о метле, вижу рядом госпожу Мирэй – думаю только о ней. Долго. Как ни о чем не думать-то?». Она доводилась до белого каления, плюнь – зашипит, о чем он ей и сообщил, тогда она стала, действительно, шипеть, размахивать руками, полыхать своей маскировочной аурой и ругаться безобразными словами.

– Ладно, госпожа сударыня магиня Мирэй... – наконец сжалился Малов. – Что поделывать, если тупой я, знакомо вам такое слово? Безумный, ничего не соображаю, тем более рядом с прекрасной женщиной, хоть излишне неприступной, да еще и боюсь её как магиню. Понимаете: чем больше боюсь, тем меньше соображаю, чем меньше соображаю, тем больше боюсь... Такая обратно-пропорциональная зависимость! А вы ругаетесь вон и шипите! Сердца у вас нет, госпожа Мирэй! И сочувствия нету к больному...

Лекарка без сил сидела в кресле, мотая головой и открывая-закрывая рот, как черноброя рыба. Еще махала рукой.

– Объясните в двух словах, что я должен в себе обнаружить, и я тут же обнаружу, что угодно, честное слово!

– Ненормальный ты, вот ты кто! – вынесла она вердикт после нескольких глубоких вдохов-выдохов. – Я тебе припомню еще твою тупость... или тупизну, как правильно-то? Для какого Серого мне «что угодно»? – выпалила она в потолок и покраснела. – Расслабься... да не так – проснись немедленно! Просто расслабься, не спи... Представь, что ты плаваешь в море белого света. Нет, не солнечного, а просто белого, как плотный туман, света. Затем попытайся раствориться в нем, или пусти его в себя. И смотри внимательно, где он у тебя задерживается. Или скапливается. Или еще что, не знаю, но ведет себя как-то по-особенному. Главное – сосредоточься и смотри в себя как бы со стороны. Не получится с белым светом, пробуй с красным, желтым или еще каким, вот они перед тобой в шарах.

– А можно как бы с вашей стороны, стороны, госпожа Мирэй, мне нравится, как вы смотрите, особенно, когда злитесь?

– Андрей, тебе еще никто здесь наверняка не говорил, какой ты негодяй! Что ты меня отвлекаешь своими глупостями!

– Да не отвлекаю, а привлекаю! И я разве вру, госпожа Мирэй? Нет? А раз нет, так эти глупости должны быть приятны, правда ведь?

Мирэй снова чуть покраснела, лицом, а не аурой, и не смогла сдержать улыбки.

– Ладно, безумец тупой, работай, давай! Может, ещё за декаду хоть что-нибудь выйдет, если каждый день будешь в себя смотреть. Моими прекрасными злыми глазами, – вдруг добавила она и уткнулась в какую-то тетрадь, еле сдерживая смех.

Между тем, этого белого света было не так много, как когда-то рассказывал Палыч. Так ведь – катастрофа плюс пять тысяч лет! Но он был – «сияние» произошло буквально на днях. Облаками, клочьями, полосами, пятнами, кляксами... да еще перемежался с остальными цветами. Да уж, это, точно, не солнечный спектр – никакой тебе упорядоченности. И взаимопоглощения или соединения тоже не наблюдается.

Минут через пятнадцать, когда Мирэй, и вправду, стала чего-то читать, Малов вышел из самосозерцания.

– Готово, госпожа сударыня Мирэй, уже поплавал я в белом океане, чуть не утонул среди акул, но очень приятно, честно.

У Мирэй глаза стали еще больше хотя куда уж больше? Она не выдержала, подскочила к Андрею, ухватила за рукав.

– Врёшь! – тряхнула ощутимо, посмотрела внимательно. – Не врешь... Только это неправда! Неправда, так не бывает. Я даже не смогу об этом сказать Кленорелю, он меня приберет, а тебя запрет в яме, если это окажется правдой. Рассказывай подробно!

Мирэй подтащила к больному свое кресло, уселась плотно.

– Говори же, чего замолк, болтун кошмарный!

– А чего говорить, госпожа Мирэй? Вы вон как здорово научили-то, я расслабился, сел на ваше место, посмотрел на себя, ничего хорошего там этими волшебными глазами не заметил. Окутался белым светом, стало приятней. Гляжу, а внутри... – Андрей сделал театральную паузу, зажмурился и получил подзатыльник. – Вот, как будто точно также стукнуло меня.

Гляжу, внутри несколько пятен другого оттенка: они тоже белые, но с серебряным отливом... Представляете, госпожа Мирэй – с серебряным, вот чудо-то!

Он вытаращил глаза на девушку. Та не сдержала смех.

– Да говори же серьезно!

– Как прикажете... С левым верхним пятном – Андрей показал на область сердца, – что-то происходило. Знаете, будто именно через него свет вливался в меня, растекался и уходил. Процесс был постоянным. Я попытался его тормознуть, получилось. К сожалению, получилось в обе стороны. Если закрывал вход, свет уходил, запирал выход, свет не входил. Ничего, значит, не накапливается.

Мирэй смотрела взглядом, полным безумия, теребила Малова за руку, не замечая этого.

– Андрей, я еще не знаю, как к этому отнестись, и что это вообще означает. Зато знаю, что, если кто-то, хоть наш хозяин, узнает об этом полностью, тебе, точно, не жить.

– С какого это перепою?

– Ну, хоть сейчас не выдумывай новых слов! – жалобно протянула Мирэй. – Дело очень серьезное. Твой узел, пусть даже пока один, свободно принимает свет. Белый свет! До тебя должно дойти, что это такое, но чуть позже. Но я расскажу тебе, как этим пользоваться уже сейчас. А если ты научишься все-таки накапливать его... Если во всех твоих узлах... Ведь ты станешь носителем неограниченного количества энергии!

Мирэй в возбуждении вскочила и стала метаться по кабинету.

– Пойдем, пройдемся, я хоть покажу тебе лечебницу...

Они вышли из здания, направились к другому такому же. Что-то очень сильно тревожило магиню – аура полыхала, не стихая. Засмотревшись на неё, Андрей споткнулся о какой-то порожек, чем и отвлек слегка спутницу.

– Под ноги-то смотри иногда, белый! О чем только думаешь?

– О вас... – теперь споткнулась она на ровном месте.

– Мне уже обижаться?

– Наоборот, если бы я рядом с красивой женщиной о ней не думал, тогда – да! – Мирэй покраснела еще больше. – Но... Госпожа Мирэй, а скажите... – Малов говорил не совсем уверенно. – Вот, вы произнесли «если хоть кто-то узнает». Вы же ведь узнали. Извините, как к этому отнестись? Не обижайтесь, лучше сразу точки расставлять над ё.

– Опять новое... Откуда у тебя? – пробурчала Мирэй, явно скрывая замешательство. – Узнала... А кто бы тебе об этом сказал? Андрей, от моих поступков тебе вреда не будет, обещаю. Могу я с тобой говорить откровенно? Я специально ушла из кабинета – вдруг кто услышит. Ведь живой накопитель и носитель энергии – это мечта любого мага при власти! Тебя же закуют, привяжут в клетке и будут пользоваться. Ни в коем случае нельзя обо всем рассказывать хозяину, ты согласен? Тогда давай каждый день решать, что ему сообщать. Это сложно – ведь ложь он видит издалека. Как быть?

– Так и не надо лгать, госпожа Мирэй, ежу понятно. Можно, например, рассказать всё, что было, – Мирэй взглянула с недоумением. – Ну, давайте, вы будете хозяином, а я – прекрасной Мирэй. Спрашивайте, как он, вы же его манеры знаете.

– Докладывай, Мирэй, жив еще твой пациент? – улыбнувшись, включилась магиня.

– А что с ним сделается? Живой и даже есть уже некоторые успехи, я даже удивлена.

– И что ты называешь успехами?

– Успехом, хозяин. Андрей легко вошел в транс и обнаружил свои энергоузлы.

– М-да... Не ожидал... Но бывает. И всё?

– Почти. Он смог увидеть, что один узел реагирует на белый свет – мы только с белым работали. То есть очень малыми порциями пропускает свет через себя, не задерживая его.

– Это интересней. Что еще?

– Да всё из успехов. Так ведь и это за декаду всего! Непонятный узел в мозгу не реагирует ни на что. Может, он и позволяет пациенту расставлять слова необычным образом, но и не более. Что, кончились вопросы? Мирэй, вы поняли принцип: рассказывать можно обо всех событиях, но их масштабы поддаются корректировке. Вот в таком плане и можете говорить с Кленорелем, а вечером обменяемся по поводу результатов, если нужно.

Мирэй замедлила шаг, задумалась. Они уже подходили к зданию, которое, как оказалось, и было собственно лечебницей. Тут размещались и приемный покой, и пять помещений для лечения, и «стационар», и даже небольшая гостиница для родственников дальних пациентов. Естественно, что народ не был склонен тут задерживаться – не бесплатное было обслуживание, но все же иной раз приходилось оставаться на некоторое время – болячки, особенно травмы встречались, и тяжелые. Как объяснила Мирэй, в зависимости от наплыва больных, одновременно принимали от одного до пяти врачей, точнее, лекарок, – все они были женщинами. Зимой почему-то больных было меньше. Да собственно, сюда с пустяками типа простуды и не обращались, разве что из ближних поселений, и то, когда уж человек на ладан дышал. Зимой... А сейчас как раз зима, разгар, можно сказать, конец февраля по-нашему. Как по местному, Андрей выяснить еще не удосужился. Температура плюс двадцать или около того, и это, надо понимать, очень близко к крайнему северу. Зима, Серый... Да тут по три-четыре урожая можно снимать. А может, и снимают. Чего именно снимают, тоже интересно.

Да, на месте работы все лекарки были обязаны находиться независимо от количества больных – помогать, учиться, порядок наводить... Мало ли дел для женщины! Мирэй привела Андрея в большое, но уютное помещение, вроде столовой, что ли для персонала, или гостиной, скорее, – чтобы были женщины и не было уюта? Сходу заявила:

– Посмотрите, подруги, кого я, наконец, привела! Тот самый безумец, что навалил трем вооруженным лбам из стражи, потом всю ночь с ними пил, а с утра дрова таскал на кухню. И до сих пор таскает – ему нравится. Очень интересный тип. Наговорил мне много грубостей. Сам ничего не помнит, но больная память ему многое подсказывает, например, как вести себя с женщинами. Что она тебе сейчас шепчет? – обратилась она к Малову.

А в креслах сидели четыре красивые красавицы, иначе не скажешь. Все разные, конечно: по возрасту – немного, никого старше тридцати, больше разнились по цвету глаз, волос, по прическам, одежде... Но как-то объединял их, шарм, что ли? Привлекательность такая, вызывающая доверие с первого взгляда. Земным бы медикам поучиться. Парень даже растерялся слегка, что не ушло от внимания прелестниц и вызвало легкие улыбки.

– Безумный мой ум подсказывает, что мужчина представляется первым. Меня зовут Андрей, я тут десять дней уже работаю на кухне, а подрабатываю пациентом у госпожи Мирэй, а то она застоялась без дела, теперь вот пашет, как пчелка... Удовольствие получает непомерное. От грубостей и бестолковости моей.

– Вы слышите, как этот тупой безумец – это он сам так себя называет – расставляет слова? – пихнулась локотком Мирэй. – Девочки, давайте я вас Андрею назову, а потом представляйте к нему, но не особенно пока, пожалейте его пустую голову, да и обед уже скоро, мне на прием к хозяину, а ему – не знаю, куда. Андрей, запоминай: Эльза, Забель, Леванта, Клара...

И начался базар. Если уж одна женщина может мозги вынести, то пять! Малов был просто счастлив, что выносить нечего. Что им всем, в конце концов, и сообщил. Сказал также, что был рад побывать зимой в этом говорливом цветнике, и будет счастлив делать это не раз, если цветник не возражает. Цветник не возражал, а, наоборот, готов был и сейчас его не выпускать, и приглашал бывать у них ежевечерне, и уточнял, где он живёт сам. Оказалось, что живёт он в том же здании, где и лекарки, совсем рядом с ними. Наконец, Мирэй вытащила посетителя наружу.

– Так ты еще и сердцеед, безумный Андрей! Очень разностороннее такое существо, очень! – наигранно восхищалась проводница. – Ты заметил, как девочки на тебя смотрели?

– Заметил, госпожа Мирэй, и мне стало по-настоящему грустно. Если я и сердцеед, то стихийный, откуда в моих планах и мыслях эта романтика? А вы вот и скажите, отчего они так смотрели – это ведь ненормально, когда четыре девушки ни с того, ни с сего таким образом встретили мужчину? Будто первый раз увидели.

– Пять, Андрей, – поправила ставшая печальной Мирэй. – Нас было пять. Ты меня опять поражаешь – как ты смог так сразу почувствовать нашу огромную проблему? Я сейчас говорю и о нашем мире, и вот о нас... Никто не знает, почему девочек рождается в четыре раза больше, чем парней. Никакая цветная магия не смогла веками и не может сейчас не только исправить ситуацию, но и понять, в чем причина. Ты представь, что только одна из четырех может нормально выйти замуж! За кого попало! Ведь мужчинам приходится еще иногда... не жить на одном месте. Вот, возьми нашу стражу – несмотря на мое отношение к ним... каждая из лекарок выскочит за любого из них, не глядя. Вроде замечаю, и перемигиваются уже. А у воинов – контракт, во время которого никто не гарантирует, что они не погибнут. А на контракт они идут, чтобы свои семьи поддерживать, редко холостого встретишь. Да не в этом дело: любая женщина готова пойти хоть третьей, хоть двадцатой женой – даже это не спасает. За пять лет из наших – шесть девчонок вышли замуж за своих излеченных пациентов, даже не буду вспоминать, за кого, но как мы все были за них рады, а сами они – вообще на седьмом небе! Еще скажу, что даже просто родить ребенка может только та, у кого есть средства... и способность. А много таких среди не очень благородных сословий? Вот у них там – да, там проблем меньше, там другие мерки. У здешнего наместника одиннадцать жен, у самого короля Северных островов – сорок три! Я ответила тебе? Даже не надейся, что сегодня же вечером к тебе никто из девчонок не придет...

– Госпожа Мирэй, только не это! Делайте, что хотите, но не допустите этого! Моё прошлое просто кричит, что на его родине всё не так. Я не против близости с женщиной, даже рад этому... Но, если человек нормальный, он обязан отвечать за того, с кем близок. Как я могу это делать? Вы забыли, кто я, где я могу оказаться завтра? Нет, госпожа Мирэй, мне искренне жаль женщин, но использовать их ради собственной прихоти...

– Да разве это твоя прихоть? И... тут у тебя не только слова, но и мысли странные. Но мы еще вернемся к этой теме. Я надеюсь. А сейчас время – иди к своей Марвине, обедай и занимайся, чем попало. Вечером встретимся.

Вечером они не встретились. Ночью – тоже. После обеда Андрея прихватил Трувим для разговора. Суть – о его участии в отряде стражи, которым Трувим командовал. Шутки шутками, а возможность победы безоружного в схватке с вооруженным, да не одним противником, привлекательна для любого бойца, тем более профессионала, какими и были стражники. В местном отряде – пять десятков. Вообще стражей этот отряд назывался, кажется, условно. Да, основными его функциями были охрана территории лечебницы, помощь в обороне окружающих крестьянских поселений – в обмен на часть продуктов. А кроме того, отряд нередко привлекался к зачистке территории королевской провинции от нечисти, да к пограничным конфликтам с соседним королевством Дренция. Это уже выходило за рамки задач стражи, но таков был дополнительный контракт с наместником короля. А основной контракт, оказывается, был заключен с бароном Колероном, на территории которого находилась лечебница, взятая в аренду епископом Андруа. Как всё запутано в этом мире!

Впрочем, и оплата была у наемников достойной – когда была. Но у контрактников в борьбе с задержками жалованья есть весомый аргумент. Нет денег – нет работы. Это не регулярная армия. Трувим с помощью пряника в виде оплаты уговорил Андрея на занятия с бойцами. Хоть какие-то средства, конечно, были нужны – а где бы он их взял? Не за дрова же у кухарки получать? Малов поставил единственное условие – учеба только для добровольцев, никакого приказного нажима со стороны командира, то есть Трувима, иначе толку будет ноль. Тот понял проблему – воин опытный. Сразу же и начали. Была очень кстати на территории

лечебницы небольшая тренировочная площадка и соответствующее оружие. Глядя на вооружение профессиональных воинов, Малов не мог понять логики его развития. Вроде подход был такой: кому что удобно и способности кузнецов. Всё! Мечи разных размеров и форм, копья, отличающиеся изумительным разнообразием наконечников, боевые топоры, секиры и Серый знает, что еще. Из мелочи – кинжалы, стилеты и ножи, в том числе засапожные. Из метательного – пращи и дротики. Никаких луков, арбалетов и, как выяснилось, осадных и защитных механизмов. Что ж, пути создателей и разрушителей миров неисповедимы.

Первая ознакомительная тренировка длилась часа четыре. Андрей работал в полном темпе с малыми перерывами – надо было срочно восстанавливать естественную норму – внутренняя энергетика всегда нужна. После этого желание заниматься высказали все – кому хотелось казаться ущербным? Впечатлило бойцов следующее: новичок мог сражаться всеми видами холодного оружия, причем и двумя руками, что здесь не очень практиковалось. На нём не осталось ни одной царапины или синяка – вот это он объяснил тут же: организм должен быть заточен именно к такому бою, чтобы сам, без участия головы, не допускал возможности прикосновения к себе опасных предметов, что можно достичь только настойчивыми тренировками.

Теперь такое необходимое воспоминание-отступление. Перед самым переходом на Планету Бессмертных Егор предложил сделать так, чтобы защита была способна допускать некоторые повреждения целостности тела, необходимые для «маскировки полной неуязвимости». Правда, отсутствие времени не позволило уточнить, что такое «некоторые повреждения» – что-то не хотелось Андрею знакомиться с этим сразу-то.

Далее: действия Малова не позволили никому достать его невооруженного, даже Трувиму. Основа – скорость. И еще – метание ножей. Тут он заменил их кинжалами. Да, дальность поражения была меньше, чем у камней или дротиков, но быстрота, результативность и возможность скрытого ношения были очень привлекательны для среднего боя. В общем, определились с ближайшими тренировками...

А нынче Трувим спросил, не желает ли Андрей поучаствовать в бою с волколаками? Тут еще раз подтвердилась информация о второй расе. Обратней очень немало, и есть они везде. Везде – это, в смысле, в известных людям землях. Образ жизни – ночной, общественное устройство – неизвестно. Служат некоему «Серому богу». С людьми регулярно вступают в локальные конфликты.

Здесь волколаки обитали в предгорных пещерах и неожиданно начали беспокоить ближайшее к горам поселение. Староста обратился к Клеронелю за помощью. Деревня была «своя», поэтому Трувим получил соответствующее указание. Твари выходили на охоту сразу после захода солнца, до деревни на конях – два часа рысью. Так что оставалось время на подготовку, имеется в виду, вооружение. Трувим отвел Андрея в арсенал, где он, хоть и в спешке, но отобрал, что хотел. А спешка была нужна для изготовления ножен к метательным предметам. К счастью, в отряде было два классных умельца по работе с кожей, да и материал был, а уж опыта обоим не занимать – это стало понятно сразу. Потому что парни, в свою очередь, поняли, что такое сбруя для сдвоенных мечей за спину и ножны на предплечья для ножей по шесть штук на каждую руку. Ножи, естественно, были не те, а где «те-то» взять? Только самому изготовить, но это ж после... Ножны были готовы через полчаса. Нашелся и конь. Малов – «кавалерист» ещё тот – подлизался к этой шустрой кобылке куском хлеба с солью, но навязываться на длительную дружбу не стал – мало ли как там сложится?

Успел он еще выполнить свой урок по дровам и воде для кухни, чем в очередной раз порадовал Марвину. Кажется, что её больше всего устраивал факт, что уговаривать или требовать не приходится – всё само собой оказывается, где надо и в нужном количестве. И самому приятно... А Марвина еще и оберегом снабженца обеспечила – кто ж не знал, куда отряд идет!

В селе под названием Волчанка (вот накаркал же кто-то!) были где-то за полчаса до заката. Располагалось оно вдоль горной реки, выкатившейся на равнину. Кстати, именно эта река пересекала весь немалый остров с севера на юг и являлась естественной границей между Южной провинцией королевства Северных островов и королевством Дренция. То есть селу Волчанка «повезло» дважды: с этой стороны оборотни, на другом берегу – иностранцы, хоть и мирные пока. Трувим мимоходом обмолвился, что как раз почти напротив Волчанки через речку есть баронство, в котором он три года был бароном. Простолюдины, значит... Подробности обещал рассказать попозже.

Пещеры нечисти начинались чуть ли не за околицей – около полукилометра всего до них. Но, как объясняли местные жители, о наличии таких соседей стало известно всего года как три. Да и в это время ничего особого не случалось, за исключением мелких краж скота. Но в этом месяце уже второй раз волколаки побеспокоили, преодолевая крепостной забор, пытаясь выломать двери жилищ, и разломали пять хлевов. Естественно, утащив при этом все живое, что там находилось: коров, коз, овец... И последняя «радостная» новость: все «полуразумные», нечисть, иными словами, в какой-то степени владели магией, к примеру, способностью обнулировать на расстоянии наличие разумных, и обездвиживать всё живое, правда, не более, чем с десяти-пятнадцати шагов. Так и это для меча, как каменная стена. Потому расчет был на дротики, Андреевы ножи, в меньшей степени – на пращи. И на силу защитных амулетов и оберегов – всё-таки они давали надежду на возможность сблизиться с врагом копьём или мечу. Но главное – скрытность. Нечисть же знала, что ей пока никто не противостоит.

Малов совсем не вмешивался в процесс подготовки к отражению атаки – Трувим на то и командир, чтобы планировать бой. А тому это дело оказалось знакомым – не раз уже встречался с подобным зверьем. Взял он сюда четыре десятка – один все же оставил в лечебнице на всякий случай. Разбил каждый десяток на две группы. Приказ был понятен и лаконичен: держать свой участок обороны, не разбежаться из пятерки ни в каком разе, вытаскивать тех, кого достанет магия, оружие применять без команды по мере возможности, огня до нападения не зажигать. А вот при нападении... Были заготовлены огромные кучи сухого хвороста, разложенные вдоль забора с внешней стороны. Их планировалось запалить сразу после первых попыток волколаков ворваться в село. Нашлось несколько смелых сельских парней, которых взяли на себя этот подвиг. Запаслись смоляными факелами, смолой же сдобрили и хворост. Место для сражения было не таким уж неудобным: в сторону пещер выходило тылами пять дворов, которые накануне и пострадали. Их линия, начинаясь от реки, заканчивалась у зарослей колючего кустарника. Протяженностью она была не более сотни метров. Эта линия – как раз тот пресловутый «крепостной» забор из цельных бревен, высотой в полтора человеческих роста, прочно вкопанных и заостренных сверху. А сколько лет этому забору – сто? Двести? В целом он стоял, но местами подгнил. Вот прошлой ночью оборотни и расшатали его сильнее, уронили пять стволов – им хватило. Днем это место восстановили, так и других слабых немало было.

Глядя на хворост для костров, появилась у Андрея одна мысль. Даже жалко стало, что поздно пришла, по светлomu её думать надо. Было кое-что в запасе, чтобы облегчить оборону, а, может, и в нападение перейти. А кто увидит и поймет? Магов в отряде нет, так что медиленовые кинжалы заберут всю энергию у нечисти незаметно для людей. Флакон «глаза совы» очень поможет самому – он за забором отсиживаться не собирался, а ножей могло и не хватить. О чем и сообщил Трувиму. Пригласил на веселье, так и позволь развлечься, не включай в пятерку, нечего мешать сработавшимся бойцам... Трувим посмотрел тяжело, но не сказал ничего, кроме как буркнул: «Будь у речки!». А какая разница? Разговор случился как раз у кустарника. Малов прошел вдоль забора, незаметно воткнув кинжалы в начале и в середине ограды. Причем, сразу их и активировал. Третий оставил при себе, примостив его в собственной точке ожидания. По примеру бойцов уже в сумерках успел разыскать в ближайших домах

лестницу – прочную и по размеру как раз, чтобы твердо стоять наверху, по пояс высунувшись над забором – иначе откуда ножи кидать?

Ожидание затянулось: ни звука, ни шороха до полуночи ни в деревне, ни со стороны гор. Малов как-то призабыл, что от зверей звуков при движении не бывает в принципе. Они так бы и подошли незаметно, если б не глаза – куда их деть, ими смотреть положено. Красные точки приближались быстро и бесшумно в огромном количестве. «Глаз совы» уже работал в полную силу, так что прикидку Андрей мог делать не по глазам, а по спинам. Выходило, не меньше сотни гостей собралось нынче навестить лакомое село. Вопрос – зачем? Ответ – Серый его знает! Может, днем и спросим...

Лишь красные точки высветились во тьме, Трувим тихо приказал поджечь факелы, затем выжидал. Его люди знали командира, поэтому сильно нервничали только сельчане – такое зрелище и закаленного воина может до дрожи пробрать! Когда до хвороста зверью оставалось пять-шесть прыжков, а это же мгновенья! – Трувим гаркнул: «Факелы!». «Зажигалок» приготовили с запасом, притом, немалым. Когда костры запылали, высвечивая стадо темных монстров, оставшиеся факелы полетели именно туда. Нападавшие замешкались – кому это охота лезть в огонь или даже прыгать через высокое пламя? Но нашлись и такие, а еще инерция помогла – в забор одна за другой врезались туши воющей начисти. А дротики уже давно, с первыми всплесками огня, начали собирать урожай. Волколаки выли, грызли бревна забора, дергались в конвульсиях, металось несколько живых костров – прилипшую смолу так запросто не отдерешь!

Всего у Андрея было двенадцать ножей. Он их выбросил меньше, чем за полминуты – и прямо, и по обе стороны. Рядом с ним – бойцы с дротиками. Перед их позицией живых врагов больше не наблюдалось. И мелькали они уже намного реже, чем в начале атаки. Малов ждал, нервно оглядывая площадь боя. Ждал, когда перестанут летать дротики – их хоть и много, но закончатся. Попасть под такой снаряд не было желания. Поймаешь камень из пращи – выжить наверняка можно, а при насквозь проколотом теле – проблематично. Но и пропускать внутрь ограды хоть одного зверя не хотелось: при их неимоверной силе, могла еще и магия вернуться – кинжалы-то смотрели в горы...

В конце концов, дождь метательных снарядов стал реже... еще реже. Андрей выпрыгнул за забор с двумя клинками... Серый, под ногами скользко, срочно увеличил скорость, включил «вертолет». Хватило трёх минут, чтобы оборотни поняли, что им тут не здесь. Меньше десятка тварей метнулось к горам, одного в ярости догнал...

И получил здоровенную плюху непонятно чем из-за близкой каменной глыбы! Отшвырнуло назад, неслабо приложило к камням и покатало по ним. Кожа кое-где, в том числе и на морде, ободрана, левая рука вывихнута в плече... Поиграл в догонялки! А эти отметины – наверно, как раз и есть «маскировка полной защиты организма»? Неплохой удар по излишней самоуверенности – ты кто тут такой? Герой неуязвимый, ага!

Второй пинок – от Трувима. Как он орал! Типа, ты куда поперся, не зная, чего там, и нарушая приказ? Ты тут вообще кто? Вчера, мол, родился, а нынче куда лезешь поперед батьки... Научись, мол, хоть чему-нибудь, а то – молоко не обсохло... И прочее с непереводаемыми оборотами речи. Это уж когда героя приволокли за забор, осмотрели, руку вправили, да натерла её какой-то гадостью местная травница. В общем, получил и по физиономии и по мозгам. И правильно – не выступай!

– А чего ты разоряешься, Трувим, мать твою! Я тут, правда – чайник и котенок. Так не отрицаю – признаю, раскаиваюсь и впредь не повторится! А приказа мне не было, не надо усугублять, не надо! Приказ был из пятерок не уходить, а я не в пятерке, а в единице, понятно? И предупреждать надо, что тут за каждым камнем колдуны. Предупреждать, а не формировать тут у меня комплекс неполноценности и волколакофобию. Понятно, командир? Ладно,

проехали! – сообщил Андрей вконец обалдевшему Трувиму и всем, кто слышал эти бредни. – Что с итогами?

– Ну, с итогами... – неуверенно признавался Трувим. – Так вроде нормально, кроме тебя ненормального. Но награды ты заслужил, не скрою, сейчас вот подсчитаем...

– Уже посмотрели, командир! – послышался голос со стороны «засидки». – Ровно двенадцать штук, ножики у всех в глазу! Андрей, забирай свое железо!

– Ни с... чего себе! – изумился Трувим. – Вот так развлекуха! Да завтра об этом по всей провинции слух пойдет, правда, мужики? – обратился он к местным.

– Да уж пошел! – усмехнулся один бородач. – Глянь, молодняк поскакал. Такое увидеть своим глазом, да первому рассказать – это ж сам причастен будешь. Ныне во всех трактирах на трактах только и разговору будет. Как его, Андрей? Все бабы, что родят вскорости, так деток и нарекут, даже девок...

– Вот так, – припечатал Трувим. – С утра тренировки с ножами до потери сознания! Пересчитать врага, а оружие, надеюсь, уже собрано. Собираемся в обратную дорогу.

– Э, мужики! – заорал вдруг один из местных с поля. – Гляньте-ка, это ж Черток! Помните, мельник косолапый был, пропал года три назад?

Сельчане бросились на голос. Оказывается, оборотни, умирая, трансформируются в людей. Небось, зрелище отвратное, хорошо, не видел-то! Точно, оказался – некий Черток! Вот это уже хуже, чем плохо: инициация, значит. Может, это и было причиной нападений, может род начал вырождаться? Ну, скажем, бабы ихние вымерли? Могут и продолжить нападения, кто знает, сколько их там? Всё это Андрей и высказал Трувиму. Тот задумался надолго.

– Ладно! – решительно мотнул головой. – Нынче не вернутся, здорово мы их причесали. Даже колдун не помог, что тебя приложил. Но на свой страх оставляю тут на постой десяток, да прикажу забор полностью поменять. Но тут же доложу наместнику – контракт он подписывал, пусть присылает специальных охотников, с магами. А то я тут всех своих положить могу. Пошли, что ли? К рассвету успеть надо.

– Вот уж нет! – послышался голос того же бородача – он старостой Волчанки оказался. – Трувим, это как же? Село отстояли, а благодарственную? Бабы уж на площади всё выставили. Успеете до восхода – чё тут, два часа всего и дома!

– Андрей, как думаешь, есть в том резон? Чего-то мы с тобой давно к кубку не прикладывались!

Бойцы радостно загоготали, вспомнилась первая ночь.

– И главное, к тому веселью и к этому Андрей причастный! – хохотнул Вартон – первый из тройки Маловым стукнутых. – Значит, недавно накомстил нам – пили, нынче – оборотням, как не отметить, традиция такая в отряде будет: как Андрей кого причешет, так без чарки нельзя никак!

«Нельзя без чарки, – промелькнула мысль у Андрея, – никак нельзя. Так ведь и спиться недолго – какие тут развлечения, кроме этой самой чарки? Ему, магу-лекарю как раз ничего не грозит, но пить по любому случаю... как-то лишнее. Это опять же для тебя лишнее. Вспомни Тьёр – столица, театры, музеи, циркачи, балы и приёмы... А тут? Стоит ли осуждать людей, у которых бытовых тягот выше крыши, опасностей и тревог – ещё больше, радостей – близко к нулю, так уж какие есть... Ты ещё тут сухие законы вводи, виноградники вырубай – были примеры...».

– А я вот что думаю, – подключился новичок к веселью. – Трувим, раз уж меня начали считать причастным к веселью, я просто обязан уже его и устроить для всех. Могу я в счет аванса своего будущего громадного жалованья организовать вечером эти самые чарки? Или кубки? Или кувшины? И можно ли девчонок-магинь пригласить, а?

– Это точно наш человек! – воскликнул юркий чернявый Шиман. – Трувим, не отказывайся, Андрею положено свои подвиги отметить в доброй душевной компании!

– Да без проблем! – согласился Трувим. – Скуку надо гнать, чем можно. Только по поводу целительниц, наверное, Андрей погорячился – слишком мы для них... неблагородны. Но, если получится, так кто бы возражал?

Отряд захохотал громче, двинулись к площади. Осмотренный со всех сторон и даже болезненно ошупанный кое-где веселыми сельчанками, Малов никак не мог вспомнить мысль, что мелькнула до боя. Почти не пил – просто не было желания. После, перед самым выездом вспомнил. Попросил старосту показать травницу, что лечила от ушибов. Подошла молодуха, молчаливая. Сказала, что знает такое растение, запах от которого ядовит, его и брать-то опасно. Поблагодарил её за помощь, попросил подумать, как раскидать его, а еще лучше посадить перед пещерами. Она только шепнула что-то типа спасибо, Андрей, я подумаю, и ушла. Странно... Было странно, пока староста не пояснил, что она – дочь того Чертока. Не будет жизни нечисти!

В лечебницу вернулись еще по темному. Отряд – в казарму, привести себя в порядок, да поспать до завтрака. А Малова выловила Марвина, и чего ей не спится – даже для кухонных хлопот рановато, вроде?

– Андрей, в тебе, безумном, совесть есть? На пирожок, опять пили, чувствую, да не жрамши, небось! А нет, трезвый зачем-то! Дурак, что ль? Ой-ёй, а кто ж тебя так? – осмотрела заживающие синяки. – Я вот Трувиму с утра всю башку глупую оторву – это ж надо новичка в пекло, а?

– Да вылечился уже сам! А Трувим ни при чём, сам я еще кретин, – рассмеялся раненый, обняв заботливую душу. – Говори, чего не спишь? Дрова закончились? Крыша протекает? Крыльцо надо починить или ножики наточить?

– А умеешь крыльцо-то, безумный? Так и почини, милый. Всю зиму мужика треплю, так руки у него – к железу, кузнец он, а чтоб ступень заменить – прям шарахается от деревяшки, зараза. Да о чем это я, совсем обезумела. От тебя, небось, заразилась, как Мирэй твоя. Всю же ночь она ко мне бегала, пыталась, не вернулся ли, точно ведь с ума тут с тобой все сошли за несколько дней. Знаешь хоть, где живет-то?

– Нет уж, Марвина, ни к чему это. Шибко разные мы с Мирэй, чтобы вот так... Я ведь не охотник до легких развлекалочек, а зря обнадеживать – зачем?

– Ну, смотри, дело твоё... – задумчиво глянула Марвина и ушла.

Утро началось с вызова к хозяину. Отчитался Малов быстро. Да и не шибко мага интересовали скромные вчерашние магические успехи, больше он как раз спрашивал про волколаков, на самом ли деле они были настолько многочисленны? Это он такой – вовсе не от мира сего? Нашел, кого спрашивать! Но Андрей опасность оборотней подтвердил с удовольствием, в том числе и иллюстрацией боя. И обратил внимание на то, что опытные наемники впервые встретили тварей в таком количестве. После чего хозяин сообщил, что день проведет у наместника, так что пусть Мирэй с докладом перебьется... А пациенту посоветовал постоянно пытаться управлять узлами или узлом, связь их с мозгом, по его мнению, может и возникнуть – иначе, к чему они вообще? Природа зря силы свои не расходует. Этой гипотезой он заслужил уважение – действительно, не консерватор, однако. Узнать бы вот, что он на самом деле для церкви делает, ведь ценит его церковь не только за гипотезы, небось...

Мирэй была, как обычно, в своем кабинете. Андрей поздоровался, присел. Получил сухой ответ и вопрос:

– Почему не зашел, как вернулись?

– Зачем? Раны лечить – так вы о них не знали, сейчас – пожалуйста, если что осталось. А по другому – я вам игрушка, что ли? Или покомандовать неймется?

Мирэй закусила губу, опустила глаза в стол.

– «Игрушка»... «Покомандовать»... С чего ты взял? И полечила бы... Нельзя представить, что просто?

– Представить можно. А еще можно представить, что повторится самый первый разговор. Вы, его, надеюсь, не забыли? Ваши слова, тон? Нынче у нас с вами, госпожа Мирэй, отношения сугубо деловые. То, что в ежедневных разговорах мы начали позволять некоторые... вольности, по большому счету мало, что значит. По этому счету во мне ничего не поменялось к вашему сведению. И я, как вам известно, всё больше вливаюсь в отряд простолюдинов. Даже уже и дрался не против них, как вам хотелось, а вместе с ними. А мимолетные ни к чему не обязывающие романтические встречи мне, оказывается, несвойственны.

– Ну что ж... Неприятно это слышать, зато честно. Тот разговор... Я помню его до последнего слова. Оказывается, он был мне нужен. Оказывается, жизнь я знаю немногим больше твоего. И не хочется мне твоих драк. Почему-то.

Вот так! Чего ты узнал о её жизни, попуданец безумный? Лезешь с нотациями...

– Ладно... – вздохнула. – Идем в лечебницу, там тяжелый пациент. По дороге только нужно Трувима встретить.

Трувим попался прямо у выхода. Мирэй что-то ему шепнула и передала. Андрей тоже на него взглянул, и, к удивлению, тот кивнул в ответ. И ничего это не могло означать, кроме как готовности и даже – необходимости поделиться информацией. Интересно-то как...

Девчонки в своей столовой, или гостиной, сообщили, что нынче «повезло»: только что привезли горе-охотника, угодившего в собственный медвежий капкан – он про него забыл, видите ли, решил прямо на этом месте поставить новый. Кость повреждена очень сильно, придется долго заниматься с осколками, пусть вот Андрей и посмотрит, как это делается.

Если честно, то в планах попуданческого «приживания и внедрения в лекари» был именно последовательный неспешный прогресс: посмотреть, потом опять посмотреть, порасспрашивать, примериться на мелких царапинах, перейти к более сложному. Но ясно уже, что нечего тут расслаиваться, имеется в виду лечебница. Другие есть дела. Главное: метка «древнего» наблюдателя. Она же и погаснуть может, а обнаружил её Малов прибором километрах в ста пятидесяти к юго-востоку. Надо бы посмотреть на карте, что там – должны же быть здесь хоть какие карты? Вот и поспрашивать сегодня Трувима заодно. Или еще кого.

А пока «к нашим баранам». Вот один из них – лежит и стонет. Нога фиолетовая уже промыта. Рядом две лекарки, кажется, Забель и Клара. И еще Леванта подошла. Андрей вопросительно посмотрел на Мирэй.

– Очень сложный случай, – шепнула она, – может и не получиться, придется ногу отнимать. Видишь, наших трое – будут сменять друг друга. Ты смотри, а я посмотрю заодно, как ты смотришь, можно? – Андрей кивнул и активировал «белый узелок».

Итак, с чего начинают? Наркоз, ясен пень... От головы Клары (почему от головы?) к охотнику протянулся красный лучик, закружился вокруг мозга по какой-то команде, раненый мгновенно затих. Ёлки-палки, да это же... Они понимают хоть, каким оружием может быть этот «наркоз»? А если к волколакам его, например? Да в любом бою! Нужно проверить, знает ли кто...

Забель, держа руки над поврежденным местом, сразу потянулась к нему таким же лучом. И здесь – не просто свет. Что-то добавлено: через руки из разума Забель – это нечто лечущее. Медленно, невероятно медленно и тщательно подгонялись друг к другу осколки костей и тканей. Действительно, ювелирная работа, и насколько же хорошо нужно знать анатомию – повреждаются же не только кости. Безграничная терпеливость, тщательность, настойчивость и... Такая личная судьба. Но почему в деле – только свои лекарские силы, никакого использования энергии больного? Ведь организм сам помнит своё здоровье! Этому Малова учили. Далеко отсюда, правда, а какая разница?

Слава Небесам, тут хоть вены целыми остались. Запустил он свою «белизну», причем – напрямую из «узла», то есть, никакой магии. Обнаруживается собственная аура поврежденных и целых деталей, активируется окружающая энергия – работай, давай! Помнишь же сама, как всё было! Действительно, восстановление и очистка ускорились неимоверно. Рука Мирэй сжала Андреев локоть изо всех сил, но взгляда от процесса она не отрывала. Минут через пятнадцать нога стала целой и невредимой...

Четыре красотки уставились на Малова с... недоумением? Изумлением? Обидой?

– Мирэй, что это было? – тихонько спросила Леванта. Она не успела включиться в процедуру лечения.

– Не знаю я, – развела руками Мирэй. – Понимаю не больше вашего. Леванта, разбуди больного... тьфу, какой он уже больной? Пусть помощницы займутся, его уже можно домой отпускать. Пойдемте, подружки, есть о чем поболтать.

Попыток допроса с пристрастием Андрей не избежал. Тем не менее ему удалось убедить всех в девяностопроцентной своей невинности. Вроде смотрел только своим взглядом, может, он как-то подействовал, может, нет – ему-то откуда знать, не маг ведь!

– Ой! – Забель прижала ко рту ладошку, распахнув глазищи. – Подружки, а вдруг до... ну, до прихода сюда Андрей был великим магом-лекарем? А? А теперь это проявляется, даже и без участия разума. Курица-то бегаёт с отрубленной головой... Ха!

– Ты права, Забель! – подхватил великий маг-лекарь эту версию. – Вот так и бегаю, как курица, и не помню даже, что сегодня вечером у нас в отряде праздник в честь вчерашней победы, к которой я тоже примазался. А потому приглашаю вас побывать на этом маленьком торжестве, украсив его собой неимоверно. Клянусь обеспечить жесткие рамки приличий и полное веселье.

Девчонки с испугом взглянули на Мирэй. Та дернула плечом – ваше дело...

– Андрей, – шепнула Леванта, – а можно, ты зайдешь за нами? Мы ведь никогда еще...

– С удовольствием, красавицы! Вы даже не представляете, как вам будут рады!

Выйдя из лечебницы, Мирэй сразу сообщила, что ей необходимо подумать о происшедшем. Также она выразила надежду, что пациент найдёт, чем заняться. Он не стал её разочаровывать, молча повернулся.

Разумеется, дела у него были: с Трувимом выяснить, чего он хотел сказать – по пустякам не стал бы на что-то намекать, крыльцо Марвине отремонтировать надо – обещал! Вечерний банкет обеспечить – тоже не пустяк, учитывая специфику местных отношений.

Красные заботы

Трувим отвел Андрея для разговора аж к озерку за пределами территории лечебницы. Устроились в беседке у самой воды. Некоторое время командир молчал, искоса на новичка взглядывая. Решился наконец.

– Андрей, я на наемной службе не один десяток лет, в людях научился маленько понимать. Могу я с тобой посоветоваться в полной тайне? То, что языком ты трепать не привык – это заметно. Да еще привлек внимание такой госпожи-крепости, а она ведь не из простых.

– Отчего она крепость?

– А ты не в курсе? Она, небось, не рассказала. Многие тут из приезжавших красных пытались её... заинтересовать. Ничего не вышло – язычок у ней еще тот, да и в магии не слаба. Особо один из свиты епископа, франт накрахмаленный, дважды уже был, проходу ей не давал, хорошо, Кленорель вмешивался. Но это ваше личное. Я-то о другом: не может она от тебя узнать...

– Не может, Трувим, слово даю. То, что я делаю и знаю за пределами всяких лекарственных наблюдений, её не касается.

– И ладно, – Трувим понизил голос. – Тут дело такое, в двух словах не скажешь... Да ты к тому же и не в курсе нашего землеописания, так? А это важно. Главный город провинции – Северин, к западу отсюда, в пяти днях пути, там же и главный местный храм красного бога небес. За два дня от него, то бишь от нас за три, чуть в стороне от тракта есть небольшое поселение, настолько небольшое, что я и названия-то не упомяну. Все его просто Поселком называют. В нем расположилось что-то вроде... даже не знаю, как и назвать. В общем, в трех избах за глухим забором постоянно квартируют около трех десятков красных воинов-церковников. Кто они? Да Небеса их знают. Все – маги, хоть и не сильные, и воины так себе, не с нами равнять. Но всё ж маги и воины сразу – это нам не очень по зубам без амулетов. При конях, приличном оружии, латах. Только никто и никогда не слыхал, чтоб они с кем-то воевали, чего-то сторожили или купцов охраняли. Да, я ж не сказал, я здешние места знаю как свою руку дней на десять ходу в любую сторону отсюда, да и сам, не скрою, известен немало. Правда, теперь мне в этом смысле до тебя далеко будет... – ухмыльнулся он. – Да ты не ерепенься, такая слава только на руку. Я к тому, что слухи до меня быстро движутся, всяк рад поболтать, откуда еще новостей взять? Так вот, у нас в контракте есть особый пункт – при нужде срочно передавать с гонцами в тот поселок сообщения для красных. И в последний год у меня появились тревожные подозрения, – Трувим замолчал, внимательно глядя в собеседника. – Гонцов мы отправляем, я это совсем не сразу понял, как только из лечебницы домой увозят одного из выздоровевших детей. Обычно – из далеких поселений, и не всех, а по непонятному выбору.

Тут Андрей напрягся: что Мирэй говорила о договоре Кленореля с епископом, что? Ну, память, Серый бог... «а он отдает им результаты исследований, да еще сообщает об обнаруженных потенциальных магах».

– И дважды уже за год мне передавали старосты деревень с запада и юга, что возвращающиеся отсюда дети по дороге пропадали. Что же выходит, Андрей? Цепочка получается: ребенка увозят, отправляем гонца, ребенок пропал. Один раз сопровождавший отец остался жив, но ничего не помнит. Второй раз ребенка вез какой-то родственник, так и он исчез! Сс... Без никаких следов. Правда, второй раз местный знахарь увидел остатки магии. Я что сейчас психую: вчера вечером увезли вылеченную девчонку с севера, на телеге будут в пути не меньше шести, а то и семи дней. Это восьмилетняя дочурка знакомого мне старосты села Боровое. С больной был тут его младший брат, еще и ягод с медом мне прислали, чтоб присмотрел. Я присматривал, покуда они тут были, а теперь что? Гонцы ускакали с утра – ты видел, как Мирэй послание мне вручила. Медлить с этим права не имею. Ты все понял, Андрей, я понятно

рассказал? – Трувим с тревогой уставился Малову в глаза. Тот взгляда не отвел. – Может, смотаться в этот долбаный поселок нынче отрядом да вычистить этих п... Что-то можешь посоветовать?

– А сопровождать ребенка?

– Это первое, что пришло в голову. Успеем догнать, а толку? Если это те, из Поселка? И сколько их будет? Могу, конечно, и весь отряд отправить. Но разве мы знаем, что там могут эти маги недоделанные? Так уж лучше их прямо на месте попытаться прибить.

– Тогда могу, конечно, посоветовать, Трувим, – вздохнул Андрей. – Не знаю, как ты к этому совету отнесешься, но могу. Понял я даже маленько больше, чем ты сказал. Недавно кое-кто сообщил мне лишнего – какая от меня безумного опасность? Понимаешь, командир, красные церковники, заметь, не все маги, а именно церковники ищут для себя пополнение, детей, у которых есть способности, которые нужно раскручивать. Я-то подумал, ну ищут и ищут, что тут такого – воины, кузнецы, травники, пахари – все ищут себе помощников и замену по способностям. Ищут и учат, ничего не скрывая и не таясь. А тут вон как! Значит, делают с этими детьми что-то тайное и непотребное, чего никто знать не должен.

Трувим во время этого монолога наливался кровью. Вскочил.

– Едем! Андрей, ты, как сможешь, а мы едем. Нельзя такое прощать!

– Сядь, командир! – Андрей ухватил его за руку. – Чуть погоди, я не договорил.

Трувим резко дернул головой, вытер рукавом пот со лба, сел.

– Девчонку надо спасти однозначно. И я помогу. Сам поехать не смогу, но помогу... – Трувим на глазах успокаивался – крепкий мужик, не впервые отмечено! – Надо с этого момента думать, как всю проблему ликвидировать, поотрубить церковникам вообще всякое желание этим заниматься. Хотя бы в провинции. Чего уставился-то? Вот вырежешь ты нынче всех красных в Поселке, завтра епископ этот опыт учтет, найдет не тридцать, а триста бандитов, разместит в других местах, сообщения пойдут не с гонцами, а птицами, к примеру, просто амулетами... Лучше станет? Можно Кленореля пришибить, так на его исследованиях лечебница и держится. Не стань его – всех лекарок разгонят к Серому, епископ, что ль, о народе печется? Они, в смысле Кленорель и магини, вообще-то, знают, зачем гонцов отправляют? Сообщили, как приказано, и всё. Так им и стали церковники свои тайны рассказывать! Чего-то другое надо выдумывать, и не знаю, сколько на это времени нужно. А пока, чтобы думать не мешали, надо сделать так, чтобы ликвидацию нападавших на детей никто с вами не связывал, понял? Не мне тебя учить, как это делается. Пусть пополняют тот отряд в три десятка в связи с естественной убылью, но ничего не меняют в целом. Нам проще планы прикидывать будет, иначе можно всё забыть и по-прежнему детей терять. Да что я тебе рассказываю, командир? Сам понимаешь. Пошли, кое-что дам для ликвидации красных магов. Да, девчонку эту надо сразу спрятать, чтобы ни одна зараза не докопалась. Так и передай приятелю своему. И про других тоже, если будут. А вообще, сделаем свою цепочку: отправка гонца, выяснение, где живет ребенок, по какой дороге поедет, засада на напавших. Можно и заранее узнавать, когда ребенка повезут, чтобы свой десяток раньше зачем-нибудь в другую сторону отсылать для отвода глаз. Как узнавать о сроке, придумую.

Зайдя с Трувимом в свою комнатку, Андрей вытащил два кинжала. Кстати отчего он для своих целей в качестве накопителей использует только кинжалы? Нет, это правильно – внимание к оружию не привлекается. Но есть ведь те же шары у Мирэй, к примеру. Тоже удобно.

– Трувим, теперь я надеюсь на твоё полное молчание. Ты поверил мне, я – тебе. Думаю, не в последний раз. Ради сотни небес, не спрашивай, откуда у меня эти вещи, спокойней будешь спать. Они помогут с магами разобраться очень быстро. А те, небось, и против амулетов тренированы. Но против этого – вряд ли!

Трувим с восторгом разглядывал, оглаживал изящные клинки. Малов выдал, естественно, мужской вариант кинжалов и по размеру, и по весу.

– Что это, Андрей? Вот кромка лезвия... Мединен, говоришь? Да я за всю жизнь только слышал, что бывает такое. Кстати, опасно подобую штуку иметь: мединеновые вещи находят только в кругах явлений, и специальным королевским указом их необходимо сдавать в казну. Нарушителя, или имеющего такую вещь, ждет только смерть, не менее. В соседнем королевстве, правда, попроще к этому относятся. А что за камни в рукояти? Тоже не встречал.

– Вот эти камни для вас на сегодня – главное. Именно они активируют мединен на защиту и нападение. Смотри, надавил на синий – никакая магия не пробьется, красный – убьет любого мага, хотя это надо проверить. Вот и проверите. Белый – это для захвата энергии, он сам работает. Всё понял? Лучше бы ты с этим делом сам ехал, не стоит лишних посвящать, даже и своих. Пока хотя бы. Второй доверишь самому своему... кого лучше знаешь. Да, забыл, с лезвиями-то поосторожней, – Андрей достал старый вчерашний нож, порезал его на мелкие кусочки своим кинжалом, – у Трувима глаза выкатились. – Получится у вас всё, как надо, подарю кинжалы, обещаю. А мединен замаскируем. Всё теперь, давай, удачи!

Трувим молча кивнул, не сводя глаз с оружия, убрал клинки в ножны и собрался, было, уходить. Но вспомнил про «текучку» и сказал, что сейчас соберет отряд по поводу банкета, а на дело выйдут после – в ночь, чтобы лишних разговоров в поселке не было.

Вместе и пошли. Парни собрались быстро.

– Значит так, – начал короткий инструктаж Трувим. – Десятку Марка быть готовому к ночному выходу. Куда, зачем, сообщу позже, я тоже иду. Но сначала – про обещанное Андреем веселье. Причем, как я понял, и девушки, наши магини неприступные, тоже будут – как на героя-то не посмотреть! Несколько серьезных предупреждений, считайте, приказов. Рольф, Маршен, Остер – вам, как обычно, обеспечить материальную сторону. Продукты должны быть только свежими. Вино... Скажете этому прохиндею-трактирщику, что, если он повторит позапрошлую шутку с кислотой, то либо придется поселку искать нового трактирщика, либо строить новый трактир.

Кстати в первую ночь знакомства Андрей обратил внимание на одного из здоровенных бойцов – Керка: тот оставался трезвым, несмотря на употребляемый напиток. После вопроса все наперебой объяснили, что вот такой Керк неудачник – не берет его вино, сколько б не принял. Керк добавил, что это наследственное, вот в Мирненском порту пробовал он морской напиток, тот – да, пробивал дедовский дар, но производство такого эликсира – монополия морских винокуров, которая веками не была нарушена, и секреты изготовления этого чуда не разгаданы. Керк чуть было в моряки не подался, однако – морская болезнь! И тут невезуха. Так и мучается наемник. На другой день Малов отправил страдальца в поселок за прокисшим дешевым вином, а сам с кузнецом – мужем Марвины соорудил из подручных материалов переносной небольшой аппаратик. В сумерки Керк вполне освоил новую профессию, нагустировался, оценил как «лучше, чем в Мирне!», назвал продукт «напитком Андрея» и поклялся хранить тайну производства крепче, чем моряки. Кузнец Архен был во всем с Керком согласным и даже сообщил, что на вино и смотреть не будет отныне: «Если уж все равно сковородкой от Марвины получать, так за достойное удовольствие!»

– ...Шиман, вспоминай до вечера все нематерные слова, не дай Серый, услышу хоть одно твое пиратское выражение! Керк, ты, как самый неподдающийся действию вина, я сочувствую тебе! – смотришь внимательно за всеми в смысле нормальности. Вот пусть только кто позволит себе вольности в адрес дам! Последнее: всем – в баню, одежду и прически привести в порядок, женщины – это вам не волколаки, с ними сложнее, по опыту знаю! Разошлись!

Итак, все – в баню, Малов – к Марвине.

Они с мужем и дюжиной ребятишек, среди которых, правда, из мужского пола был только один пацан лет десяти, занимали небольшую избушку в деревеньке, приткнувшейся с восточ-

ной стороны ограды. Муж Марвины Архен был, к счастью, дома. Впрочем, расположение кузни было известно, отыскать его нетрудно было бы.

Крылечко-то – три ступеньки, да площадка с навесом полтора на полтора. Правда, всё еще до потопа устроено: доски прогнили, а одна так вовсе подломилась, видно, из-за неё и доставалось кузнецу. Хорошо, что Архен, как и все деревенские, оказался мужиком запасливым: в сарайке обнаружилось, в основном, конечно, металлическое хламье, но и доски, и брусья, и столярно-плотницкий инструмент имелись в наличии. Пока ребята с Археном во главе уронили и разобрали на дрова старое крыльцо, Андрей выпилил и выстрогал весь набор вплоть до навеса и перилец. И увеличил длину крыльца раза в два: пусть типа веранды будет! Потом с малой силовой поддержкой семейства просто приладил на место – делов-то на час!

Когда Архен заикнулся насчет материальной благодарности, Малов чуть было не отправил его куда полагается, а потом опомнился: кузнец же перед ним! Потому скоренько прямо на отрезке доски нацарапал шаблон метательного ножа, и попросил изготовить дюжины две. Арсен мимоходом глянул, сообщил, что эта работа для криворукого ученика помощника подмастерья, посетовал, что не работает с оплеткой рукоятей. Слегка удивился, что таковое не требуется, а наоборот, рукояти должны быть тщательно отшлифованы. Да еще признался, что, если бы заказчик подошел вчера, то послал бы его уже он с этими уродцами. Но как наслышан про вчерашнюю ночь, да видел сегодня потуги стражников («цельный день ножики швыряли, что дети малые, под матерщину Марка!»), то заказ исполнит завтра же. На том и поладили.

Успел в трапезную точно к обеду. Марвина уже шмыгала глазенками вокруг.

– Где пропадал-то, воин, на всю округу знаменитый? От женщин прятался? – поинтересовалась ехидно. – А еще ведь и крыльцо обещался посмотреть...

– Да не ворчи уже, сводня местного разлива! – чмокнул плотник главную повариху в щечку. – Посмотрел уже твое крыльцо, иди работу принимай, да в гости зови: не обмоешь, развалится.

– Ой, успел он! Всё шутишь, небось... Давай, садись обедать, плотник!

После обеда нашел Миху. Узнал у него, во-первых, имеет ли право сам выходить за территорию лечебницы, в лес, например, за грибами? На что получил ответ, что это решает Кленорель и наверняка разрешит, какой-то маячок присобачит, чтоб, значит, не потерялся...

Во-вторых, попросил найти хоть какую карту местности, что тот, к удивлению, сделал без труда.

Карта Южной провинции Королевства Северных Островов попалась подробная. Север – юг обозначены, города, другие поселения, дороги, географические объекты... Видимо, даже масштаб какой-то присутствовал, хотя указаний на это не имелось. Зато административные структуры, владения были нарисованы с границами. Беглый просмотр сразу вывел на баронство Колерон – довольно большой участок территории на юго-востоке от лечебницы (лечебница была обозначена, как «Красная лечебница»). Карта подтвердила, что и лечебница, и даже Волчанка располагаются на его территории. Баронство было пограничным, размещалось на берегу той же реки, у которой случилась драка с нечистью. Река называлась Сильная. Пусть так. Пока достаточно.

Наверное, такого веселого... банкета, праздника, ужина, пьянки лечебница сроду не видела. Бойцы сначала онемели, увидев небольшой дамский цветник, но девчонки быстренько сориентировались, обнаружив в разных местах за столом свободные пространства.

Никаких церемоний: магини восьмым, или какое там у них? – чувством определили для себя лучшие варианты, все оказались рядом с десятниками. А, собственно, чего это Малов решил, что «определение» только что состоялось? Они, хоть и не общались тесно, но живут-то рядом, перемигивались, небось, неоднократно. А, может, и не только перемигивались.

В общем-то, понятно: командиры у Трувима – не мышки серые, однако выбор дам Андрея даже несколько позабавил. Ну, как, скажите, Клара – слегка пухленькая, «домашняя» такая, заботливая тихоня оказалась в компании суровых бородатых парней, где десятник – как раз неисправимый матерщинник Шиман? Она уже ухаживала за всеми «своими ребятами», что смущенно хмурились, но от доброй улыбки и появлявшейся, словно ниоткуда, еды просто таяли. Или Забель – подвижная, как ртуть, миниатюрная брюнетка присела рядом с Керком – суровым, несколько сумрачным великаном? Леванта – просто молчаливая серьезная целительница с внимательными серыми глазами составила пару Вартону, весельчаку, балагуру и забияке, а рыжая веселая болтушка Эльза присоединилась к Мартину – рассудительному «стратегу», который без обоснований не принимал ни одного предложения, даже от Трувима...

Рядом с собой Андрей с Трувимом усадили кормилицу Марвину.

Малов заставил её и мужа привести сюда, а он, между прочим, даже ножи успел сделать и с собой их притащил! Марвина перед началом праздника умудрилась еще громогласно пожаловаться Трувиму и подошедшим девушкам на «эту бестолочь, у которой нельзя понять, когда он говорит правду, а также не умеет торговаться, то есть назначить приличную цену за свою работу. Представьте себе, заказал мужу какие-то железные железяки, а крыльцо сделал так, что деревенский плотник только рот разевал, да молча доски гладил. Это Беран-то наш, который голосит, не уставая, по любому случаю!».

Освоились все очень быстро, вокруг магинь завязались отнюдь не тихие беседы. Трувим постучал кулаком по столу. Шиман тут же начал закатывать глаза, прикладывая руки к груди, умоляюще глядя на Трувима – это он слова просил. Клара тихо улыбалась.

– Шиман, не пришло твоё время, не рискуй, не зли меня! – у того печально опустились усы, Клара успокаивающе погладила его по лохматой шевелюре. – Мы знаем, по какому поводу собрались, тут нужны не пиратские возгласы, а достойные благородной публики выражения. Вартон, давай, красуйся!

Девочки, эти «благородные» магини, хоть и не такие, как... Встречается тут одна... В общем, прислушивались они к словам, вовсе не присущим «простолюдинам», с неким недоверием.

– Глубокоуважаемые дамы и господа наемники! – начал Вартон в манере великосветских приемов. А ведь был на таковых наверняка. – Позвольте поблагодарить всех, кто нашел возможность присутствовать на нашей пьян... э... вечеринке, организованной по инициативе Андрея – истребителя волколаков. Я не оговорился – именно такое звание он имеет отныне на широких дорогах и трактах нашей провинции! А также во всех её кабаках. Кстати, дорогие дамы!

Дамы млели от речи немислимой гладкости.

– Наш мужской состав, полный необычайного почтения к вам, просит позволения общаться сегодня просто по именам, без церемоний. Нет ли у вас возражений? Благодарю и продолжаю. Так вот, не далее, как ныне в полдень, посещая кхм... поселковый трактир по долгу службы, с глубоким удовлетворением услышал историю о ночном бое наемников с волколаками в известном всему миру поселке Волчанка. Главным героем славной битвы оказался никому доселе неизвестный витязь Андрей, одной левой уложивший пару сотен злобных врагов. Свидетелем тому – вся Волчанка, подтвердить могут даже несмышленные дети и лошади. И на Андрея, истребителя волколаков, также можно полюбоваться всякому, кто решится предстать пред очи грозного героя. Я, надеюсь, дамы и господа, что не очень утомил вас своей речью, но таковое событие заслуживает не только речей, но даже и баллад. И, насколько я уведомлен, баллады ныне будут!

Вартон почему-то глянул в стону компании Шимана, бородачи дружно закивали. Интересно...

– Даже только за это стоит напи... э... поднять кубки. Но это лишь один подвиг, который сумел совершить витязь Андрей. К нашему величайшему удовольствию и изумлению, он сегодня же сподобился прославиться еще раз! – Вартон с превосходством оглядел недоуменно загалдевшую публику. – Позвольте обратить ваше внимание на то, что сегодня впервые, повторяю, впервые в истории Красной лечебницы за одним столом встретились господа наемники и прекрасные дамы-целительницы!

Тут уж публика не выдержала и разразилась радостными воплями.

– Никто, надеюсь, не сомневается, и благородные дамы в том числе, что это небывалое явление произошло благодаря умелым действиям, речам и необычайной привлекательности того же Андрея! Я утомился, дамы и господа. Предлагаю поднять кубки...

– За дам! – всё-таки вставил свои пять копеек Шиман. Все грохнули. – Да, за дам! За Клару, Забель, Леванту, Эльзу, Марвину...

Шиман запнулся, глядяваясь куда-то в сторону дверей.

– И Мирэй!

Андрей тут же обернулся, получил толчок в бок от сидевшей слева Марвины. А он что, совсем уж без понятия? Поднялся, увидел, что Мирэй как-то неуверенно направляется в их сторону. Подал руку, помог угнестись между ним и Трувимом, протянул кубок. За столом уже шумели, обсуждая глубокомысленную речь Вартона. Да уж, парни не только мечом могут!

– Рад, что вы пришли, госпожа Мирэй, честно! – улыбнулся Малов, касаясь её кубка своим. – Без вас наш цветник не полон.

– Спасибо! Признаюсь, я чуть задержалась в нерешительности у входа, так понимаю, что здесь уже можно на «ты» и по именам? Я не против.

– Вот и правильно! – вступил Трувим. – Давай-ка, за Андрея, Мирэй! По полному – за истребителя волколаков!

– Нет-нет уж! – воспротивился «истребитель». – Вы же видели, с каким восторгом воспринято предложение Шимана: за дам! За тебя, Мирэй, Марвина, за тебя, кормилица!

...Шутки, приколы, порой и на грани приличия – такой была атмосфера первой встречи «без галстуков». Больше всех радовалась Марвина. Она просто облокотилась на Андрея, несмотря на слегка осуждающие взгляды Мирэй, и минут пять молча с улыбкой наблюдала за происходящим. Потом сообщила, и далеко не шепотом, что о таком сборище мечтала давным-давно, и ей уже даже петь хочется.

– О! – восторженно воскликнул Трувим. – О чём забыли-то совсем. Тихо всем! Шиман, верно ли, что твои парни обещали балладу, где она?

Два бородача кивнули и достали из-за спин нечто, напоминающее... гусли, что ли? Или бандуры это? В общем, полуарфа-полугитара на коленях. Малов-попаданец пусть и стал большим специалистом в музыке, но не в инструментах же всех миров! Хотя и с этими можно разобраться, когда надо будет. Еще не вечер!

– Кто это? – тихо спросила Мирэй у Трувима, и, пока парни настраивались, тот быстро объяснил.

– Все пятеро бородачей – крестьяне и рыбаки из дальних северных деревень метрополии. Год назад всем обществом отправлены на заработки – жизнь у них там сурова и бедна. Они и не скрывают, что им нужно. Никто их за это не осуждает – у каждого здесь свои проблемы. Честны неимоверно и также верны слову. Друг за друга и за любого в отряде готовы на всё, не раз проверено. А баллады... Есть там такая традиция. Каждый воин может спеть о подвигах. И правильно: просто рассказывать – порой скучно бывает. А ты, Андрей, сейчас постарайся быть серьезным, тут ненароком и обидеть можно... – тот кивнул.

Аккомпанемент, нужно сказать, был профессиональным. И что, что под эту музыку можно спеть множество баллад? Зато – тревога, напряженное ожидание, печаль от потерь, шум

битвы, радость победы, горечь разлуки и еще множество эмоций читалось без труда. А по тексту.... Примерно так.

«В далеком предгорном селении Волчанка веками жили и трудились мирные крестьяне, тяжелым трудом добывая себе пропитание. Беда пришло неожиданно: из-под гор, из тьмы и мрака, явились оборотни-волколаки, жаждущие человеческих жертв. В жестоких набегах на деревню они убивали мужчин, уводили женщин и скот, забирали с собой детей. Люди сопротивлялись, как могли, но волколаков было – тьма, силы иссякали. Собрались уже было оставшиеся в живых покинуть насиженное и обжитое место, уйти, куда глаза глядят... Но волей добрых духов явился в эти земли витязь Андрей. Был он высок ростом и ясен ликом, в руках его сверкали алые мечи и белые молнии. Встал он перед входом в подгорный мир и громким гласом вызвал волколаков на битву. С диким воем кинулась на витязя неисчислимая темная рать... день и ночь, день и ночь – пять полных дней бились они, пока не пал бездыханным последний из оборотней. Но и витязь поник под плакучей березой – был он весь изранен, и кровью своей орошал спасенную землю. Безутешные жители, как могли, пытались помочь витязю – ничего не получалось. На рассвете завели они прощальный хоровод вокруг березы, умоляя духов спасти витязя. И явились пять прекрасных фей, что жили далеко, но услышали отчаянный зов людей. И излечили они Андрея-витязя и полюбили его... (Может, наоборот, было: сначала полюбили... Неважно...). И поклонился витязь феям, людям и солнцу, и отправился вновь искать и искоренять супостата. И славили его вослед люди, и прощально махали феи шарфиками...».

Не точно, конечно, но близко к тексту. И кто бы шутил и усмехался? Марвина да и Клара с Левантой слезы вытирали, мужчины задумчиво тянулись к кубкам.

– Такого я еще не слышал, и вы знаете, почему, – тихо сказал витязь певцам. – Спасибо, парни!

– Андрей, – ответил один из них. – Мы понимаем, что всё было чуть-чуть не так. Но так – могло быть! Наверняка! И будет с любой нечистью, поэтому наш народ верит в такие баллады. Через три месяца мы уйдем домой. И по дороге, и дома будем петь. А тебя зовем побывать у нас – пусть наши убедятся, что мы воевали вместе с витязем. Вот. За тебя! – и он опрокинул здоровенный кубок.

Малов выбрался с места, подошел к воинам-певцам, стал рассматривать инструменты. Ничего особенного, собственно: резонатор полукруглый, типа, как у мандолины, гриф с шестью струнами чуть короче гитарного и с середины, примерно, плавно изгибается вверх, образуя деку для еще двадцати четырех струн. Две полных октавы «басов». Колков нету – струны настраиваются деревянными кубиками, через которые пропущены. Этот инструмент назывался дукарта. Была еще и трикарта – с дополнительными струнами под основным грифом. Но ей пользовались, в основном профессиональные менестрели да актеры королевских театров. Во время беседы с парнями заметил, что Мирэй вплотную занялась разговором с Трувимом. Может, сладится?

Но Трувим начал с беспокойством поглядывать на часы – пора им было отправляться, как-то надо завершать... Андрей подмигнул Вартону, показывая на нож. Тот лишь на мгновение задумался, потом просиял.

– Дамы и господа, а не пора ли нам проветриться, а заодно провести разминку с новыми ножами, которые сегодня изготовил Архен...

...Восторгам не было предела! Это – «до того», а что творилось на площадке – не передать словами. Архен расстарался: и ножи вышли, какими надо, с хорошим балансом, и было их не две дюжины, а целых пять! Весь дом ему, что ли перестроить? Нет, персональную баньку сделать вместо «спасибо», точно! А то в местной как-то не заметно парной.

Парни старались вовсю, и, как ни удивительно, у них нынче получалось почти всё. Вот что значит стимул в виде предвзятых прелестных болельщиц! Между прочим, девушки и сами

попробовали, смеясь над собой. «Смеясь!» – А видно ведь, что у всех поразительные глазомер, ориентация и владение телом! Несколько занятий – да они и парней переплюнут! Чего Малов и не стал скрывать, в конце поблагодарив всех за полную отдачу на тренировке.

Непоседа Шиман все же во всеуслышание попросил показать что-нибудь необычное из владения ножами. Необычное, ага! Где взять? Однако на память Андрею пришел эпизод из старого фильма, где командир-красноармеец стрелял из нагана с завязанными глазами «на слух» в полено, которое помощник тянул на веревке. Отчего бы и нет?

Он притащил из дровяника два сучковатых чурбака с полметра длиной каждый, привязал веревки. Попросил двух парней отойти с ним от толпы шагов на двадцать пять, проинструктировал, чтобы, когда поднимет руку, по собственной тихой команде начали тащить бревна в разные стороны. Вернулся. Народ взирал на подготовку с легким недоумением. Пригласил всех встать поближе к деревяшкам, чтобы лучше было видно. Свету хватало: факелы, да и магини добавили «светлячков».

– Итак, господа и дамы! – голосом записного конференсье объявил Андрей. – Попытка попасть в цель на слух, то есть кинуть ножи, лишь услышав шорох от движения поленьев по земле. Клара, подойди-ка! – обратился он к магине, заметив черную ленту в её причёске.

Встал спиной к цели, удивленная Клара завязала ему глаза. В ножнах на каждой руке по шесть ножей. Должно получиться – тренировки были не так уж и давно! Народ замер. Андрей поднял руку. Через пару мгновений резко повернулся и все двенадцать ножинок слетели с рук. Снял повязку, подошел к мишеням. Нормально – чурбаки не стали ежиками – ножи выстроились в строгом порядке.

Бурных эмоций в толпе у поленьев не случилось – народ собрался сдержанный. Несколько женских ахов да пара непечатных выражений, коими Шиман выразил мнение воинов, обсуждающих результат выступления с профессиональным интересом. Естественно, кто-то более тщательно измерил расстояние бросков.

– Учиться надо! – выразил умную мысль Керк. – А не пьянствовать!

– Ты научишь меня этому... – взяв Малова за грудки утвердительно произнесла Клара. – Этому всему! Да, Андрей?

Тем и завершили день. И вечер. К счастью, не случилось никаких мимолетных романов «с первого взгляда», несмотря на некоторую внешнюю бесшабашность: и бойцы, и лекарки были людьми отнюдь не легкомысленными – профессии не позволяли. Но ведь это ж не последняя встреча? Тем более что Марвина пригласила магинь поменять место приема пищи.

Андрей все же взял у парней дукарту – спать не хотелось абсолютно, как и думать – а мысли замучили бы! Да и одуряющий запах акации настраивал на романтическую волну. Рядом послышался голос Мирэй.

– Андрей, можно с тобой чуть поговорить?

– Отчего же нельзя? – под окошком Андреевой кельи находилась уютная скамья, у которой они и остановились. – Подержи дукарту, Мирэй, я сейчас...

Бегом ухватил в комнате пару курток, вышел, набросил одну на девчонку.

– Ты хоть и в бархатном платье, однако не лето еще.

Присели.

– Знаешь, Андрей, я, наверное, глупости буду говорить, но, пока под действием сегодняшнего вечера да вина, скажу. Точнее, спрошу. Боюсь, после не смогу. Только вот не знаю, с чего начать...

– С начала, Мирэй, с самого начала! Но, если хочешь, подумай маленько, я пока с инструментом разберусь, очень интересно.

Прикрыл глаза, пальцы начали знакомство со струнами. Сам-то при чем? – Заложено, что нужно... Помаленьку всё уверенней стали вырисовываться реальные мелодии – марши,

вальсы, танго, оперные фрагменты... А если вот спеть? На каком языке это будет звучать? То есть, как на каком – на русском, естественно! А точно ли?

Попаданец уже пытался разобраться в отношениях местного языка, который назывался «основным», с родным. Только тут мелькнула мысль, что он никогда не подыскивал аналогов словечек, выражений – говорил так, как говорил бы по-русски. А звучало? – Все ведь понимали слова, другое дело – их смысл...

Начал тихо мурлыкать.

Ночь коротка.

Спят облака.

И лежит у меня на ладони

Незнакомая ваша рука.

После тревог

Спит городок.

Я услышал мелодию вальса

И сюда заглянул на часок.

Ну, точно! Андрей постарался услышать себя со стороны. Парадокс! Поёт явно на родном наречии, а слышит – на основном! Без нарушений рифмы, между прочим... И даже думать об этом феномене не стоит – что есть, то есть. Других загадок хватит наверняка.

Пусть я с вами совсем не знаком,

И далеко отсюда мой дом.

Я как будто бы снова

Возле дома родного.

В этом зале пустом

Мы танцуем вдвоем,

Так скажите хоть слово

Сам не знаю, о чем!

– Мирэй, ты придумала? Спрашивай...

Но Мирэй оцепенела. Зато прямо перед певцом, снизу, с травы раздался голос Марвины.

– Безумец! Андрей, у тебя совесть есть? Глаза-то разуй – его вся лечебница слушает, а ему вопросы от Мирэй подавай! Пой дальше – не разойдемся ведь все равно...

Малов резко «разул глаза». Однако! Население усеяло площадку перед ними в разных позах. А слева на скамье рядом примостилась Забель, за ней – Керк, естественно.

– Что ты играл и, главное, пел? – это спросил один из певцов-бородачей, наверное, одолживший дукарту. – Такого мы не слышали, это ведь не баллада и не былина.

– Это, наверное, серенада, – ответил голос Вартона. – Нечто подобное поют благородные для своих дам. Да еще что-то отдаленно похожее звучит в театрах да в некоторых... э... кабаках и салонах. Но очень уж отдаленно! А еще можешь спеть, истребитель волколаков?

– Наверное, могу. Голова начала вспоминать, но, что от вас-то скрывать, объяснить ничего не в силах, и не спрашивайте. Чувствую, что в том... месте, где я жил, было много войн. И любви. И люди, как и здесь, радовались и горевали, и растили детей... Всё так. И не так... Не могу объяснить! Сами уловите разницу, если она есть.

Не бродяги, не пропойцы,

За столом семи морей

Вы пропойте,

Вы пропойте

Славу женщине моей...

И он пел. Не так уж и много, но разной тематики песни. Народ безмолвствовал. Только, когда почти совсем устал и спел сказку про опального стрельца, который по приказу короля победил чуду-юду, но пренебрег принцессой и удрал с бадьей портвейна... Тут начались нешу-

точные споры по поводу местонахождения королевства, имени стрельца и обоснованности его, дурака, отказа от принцессы. Ладно до драки не дошло.

Кстати во время концерта Андрей обратил внимание, что сидящая рядом Забель пытается подпевать без слов. И у неё получалось – что значит музыкальный слух! Наверняка и с инструментом знакома.

– Поздно уже, граждане! – прекратил артист споры. – Давайте, еще одну песню на прощанье и дискутируйте потом на здоровье хоть до мордобития! А петь мы будем вместе с Забель! Да не вздрагивай ты, просто присоединяйся при повторах.

Ночь напролет соловей нам насвистывал.

Город молчал, и молчали дома.

Белой акации гроздь душистые

Целую ночь нас сводили с ума...

Пусть простит Малова гений Долматовский, но не помнил он дальше ни одного куплета. Додумал сам.

Как мы любили друг друга неистово,

Видела только шальная луна.

Белой акации гроздь душистые

Нам не давали покоя и сна...

У Забель получалось! И от того Андрея до дрожи пронимало.

... Что ж вдалеке среди времени быстрого

Счастья искал я, безумно любя?

Белой акации гроздь душистые

Рядом с другим увидели тебя...

Горло Забель явно перехватило...

Я оправдания себе не отыскивал,

Слепо бежал за злодейкой-судьбой...

Белой акации гроздь душистые

Невозвратимы, как ночи с тобой...

Забель всхлипнула, вдруг выхватила у Малова дукарту и скрылась.

– Парни, – сказал он в сторону бородачей, – не могу сейчас инструмент вернуть – стырили.

– Да ладно... – услышал в ответ. – Мы эту дукарту тебе вообще оставим, если поднаберемся чего от тебя. Да в наших деревнях все музыканты от зависти перемрут!

– А почему вот я, магиня, не понимаю, что было со мной? – это Клара. – Хотелось танцевать, смеяться, плакать, убить кого-нибудь, обнимать и целовать безумного Андрея...

– И чего не целовала? – заинтересовался тот.

– Так Мирэй же здесь, опасно...

– Да, – подхватил Шиман, – я её еле спас от опасности, еле удержал, она ж сильнее волколака.

– Вот! – припечатал Вартон. – В следующий раз Андрей пойдет на волколаков не с ножами и мечами, а с дукартой. Они ж от этой музыки окаменеют, нам там делать нечего будет. А сейчас – всем спать!

Народ молча расходился, а Мирэй ухватила Андрея за руку намертво и не двигалась. И молчала, пока не скрылся последний из слушателей. А из-за одного недалекого окна послышалось треньканье дукарты.

Мирэй заговорила глухо, как-то отстраненно, будто разговаривая сама с собой. Тем не менее говорила она Малову.

– Может, тебе опять не понравится то, что я скажу. Но послушай, ладно? Почему вот у девчонок сегодня так быстро случилось... Хорошо, пусть, началось? Или даже продолжилось, только я не замечала. Я рада за них и сильно завидую. Да, завидую. Отчего у меня не получается так просто ни с кем и вот с тобой, а? Ты жил в очень странном месте, или сам такой странный – неважно. Твой организм, действительно, много помнит. А ты... Ты не боишься открываться во многом уже, но при этом наглухо закрыт. Всё равно... Клара очень хорошо сказала после твоей музыки, а я ведь и без неё готова... Скажи, Андрей, я ведь магиня, лекарка, целительница, вижу, что ты – вполне нормальный, здоровый мужчина. Извини, ты уже несколько дней без женщины – пока это ничего, после того, что с тобой случилось. А после? Ты, как и твои друзья-наемники, будешь бегать в поселок по веселым салонам? Прости...

«Вот, же ж началось, – подумалось Малову, – такая физиологическая засада на мужика: сам по каким-то там принципам, пусть прям высокоморальным, можешь продержаться некоторое время. А как маг – тем более. Но в глазах других, живущих рядом – хоть мужчин, хоть женщин, ты кто? Назвать варианты?»

– Да нет, правильно ты спрашиваешь. Пройдет у меня этот шок. Только такие салоны не для меня – голова и всё остальное напоминают, что не нужны женщины, допускающие к себе кого-попало. Что-то типа брезгливости, что ли... Естественно, и без женщины нельзя – какой-никакой, а мужик, куда деваться? Может, найду какую вдовушку, либо просто одинокую женщину с детьми... Чтобы в какой-то степени нормальные, не одномоментные отношения были. Хотя противоречивая ситуация получится. С одной стороны – я не знаю, как долго я тут буду, стало быть, ни к чему слишком крепкие связи. А с другой – если та же вдовушка при мне решит еще с кем развлечься, тут же вообще всякие связи прекращаются. Но в любом случае, обо всем её заранее предупрежу...

– Андрей, я правильно понимаю, что если бы сегодня я... Например, с Трувимом или с кем еще, то о тебе пришлось бы забыть вообще?

– Правильно. Но скажи-ка, я-то тебе зачем тогда? Если ты считаешь возможным быть с «кем еще», то, может, тебе просто мужчина нужен? При чем тут я? Не так?

– Не так! – Мирэй вскинулась, готовая вскочить. Однако сдержалась. А в голосе появились слезы. – Точней, было так, а сейчас не так. Потому что ты не знаешь, что со мной было, когда я узнала, что ты отправился с отрядом в Волчанку! Когда представила, что тебя там могут... Я не знаю, отчего это со мной, но было! А с кем-то еще – я же сказала «к примеру». А то, что ты говоришь – для меня... для нас – странно. Нет, не так – скорее, непривычно. И все же – почему «вдовушка», почему не я? Это из-за моих взглядов, о которых ты еще раз утром говорил? Но...

– Нет, Мирэй, я же вижу, что эти, как ты говоришь, взгляды, ты можешь и забыть, поменять.

– Тогда что? Совсем не нравлюсь? – она напряглась, как струна дукарты.

Андрей осторожно приобнял её за плечи.

– Здесь как раз совсем наоборот. Не могу я тебе сейчас ответить взаимностью, хоть и хочется. Именно потому, что ты, Мирэй, мне не безразлична! Как женщина, извини, говорю, как есть. погоди, не возмущайся, объясню. Главное – это то, что я уже говорил: я не против близости с женщиной, даже был бы рад этому. Но при этом обязан отвечать за ту, с кем близок. Тем более за ту, кто нравится. А откуда я знаю, где могу оказаться завтра? Что будет со мной вообще? И дело ведь не в обычной... гибели, тут наверняка к такому привыкли, а именно в неизвестности. Мирэй, можешь ты... чуть подождать?

– Чуть... А сколько это, чуть-то? – чувствовалось, как девочка оттаивает. – А что не главное?

– Знаешь, у всякого человека найдутся тайны, о которых другим знать ни к чему. И чем ближе люди друг другу, тем меньше должно быть секретов, не так ли?

– Так... – Мирэй насторожилась.

– Понимаешь, магиня, есть в тебе... нечто, что несет опасность тебе. Из-за меня.

– Как ты мог что-то почувствовать во мне, как?

– Я же сказал, что ты мне не безразлична.

– Да уж... Всё равно, не бывает так, – Мирэй задумалась. – Есть, конечно, тайна, и не одна. И угроза есть. Но ведь не тебе же! Никак не тебе!

Ну да – мало ли чего тот, кто присобачил на тебя желтое пятно, тебе наговорил! Наблюдай, докладывай... Всё исключительно ради блага наблюдаемого, ради блага... Пока он при тебе! А что там дальше последует – ты кто такая, чтобы знать! Но вот в этом конкретном случае что происходит-то? Ведь ситуация такая, что Мирэй – явная шпионка здесь, о своей желтой метке она может и не знать, как сам Андрей, но как по-другому понять замаскированную ауру? Ведь вполне осознанно действует. Что ли такая вербовка началась – если она искренне говорит, то что дальше предполагается – опутанный женскими чарами иномирец добровольно покинет красных, уйдет туда, куда позовет якобы влюблённая девица? Или тут останется шпионить в пользу неведомых желтых? Ясно одно: нельзя доверять этой магине, что бы она не говорила, как бы себя не вела. Правду скрыть не трудно, если верить в то, что говоришь. И что делать? Сдать её Кленорелю, а зачем? Разобраться в обстановке нужно, определить, кто, в конечном итоге поможет разведчику, а кто противником станет. Получается один вывод – нужно подыгрывать этой прекрасной вербовщице: и в словах, и в поведении, а там видно будет!

– А если угроза – тебе, мне что, легче? Я должен разобраться. Ладно, пусть не должен никому, но желаю, чтобы меньше между нами было всяких недоговоренностей. Может, ты связана... словом каким-то, что не можешь мне сказать, так сам разберусь. А уж если тебе что-то угрожает, тем более если из-за меня – кому ещё разбираться? Согласна подождать?

Как-то не очень уверенно она вздохнула.

Утром Малова вызвал вернувшийся хозяин, рассеянно выслушав отчет, выдал информацию о своей встрече с епископом и наместником. Кленорель сообщил им о нападении необычно многочисленной нечисти, наместник посетовал, что подобные сообщения идут с разных сторон, и это начинает его не на шутку беспокоить. Надо срочно формировать команды зачистки, но без магов там делать нечего. И пусть бы этим занялся этот непонятный чужак, если у него так хорошо получается с нечистой управляться. Епископ воспротивился, нет, не по поводу Андрея, хотя и это было, а, главное, что с него магов требуют. Самому не хватает для разных церковных дел, вот пусть, кого нечисть беспокоит, тот и собирает эти команды и договаривается сам со свободными магами... Это суть, без мелочей, но Андрей должен иметь в виду, что через месяц-полтора его могут «привлечь» к вышеозначенному занятию. Потому этому Андрею следует ускорить самопознание, усилить усилия (!) по управлению энергоузлами, попробовать воздействие действующего узла на больных в лечебнице, начать работать с другими цветами... Свободен! Тут многолетняя задачка, да не одна, покоя не дает, а тут с нечистой сражайся... Бездари! Как их правильно расставить, как? – стукнул он кулаком по столу, где стоял такой же, как у Мирэй, контейнер с шарами-фильтрами.

Андрей еле удержался, но не хватало еще засвечивать сознание такой мелочью – Кленорель же заметит возбуждение, не дурак.

Узнал у него о возможности покидать территорию лечебницы. Кленорель сделал небрежный жест правой рукой – на левом плече Малова почувствовалась красная точка.

– Ничего не заметил? – только и спросил Кленорель. – Нет? Ну и хорошо. Учти, я буду знать, где находишься. Свободен! Да, будьте с Мирэй у неё в кабинете до моего прихода – у меня нынче день хозяйственного осмотра территории лечебницы.

И этот – бюрократ и зануда! Есть же помощники, которым, судя по всему, он доверяет полностью. Но, если вменил себе в обязанность лично «осматривать» – костыми ляжет, а «регулярно осмотрит». Даже ничего не понимая.

Уяснив из бестолковой речи Кленореля всего лишь, что пора делать ноги из лечебницы, Андрей явился к «лечащему врачу». Сообщил Мирэй о скором явлении хозяина, что заставило её срочно заняться приведением в порядок своего «бортового журнала» – она ж обязана была отмечать там все события, связанные с попаданцем.

Не дождавшись от неё никаких комментариев ночных событий, кроме доверчивой улыбки, Малов залез в огромный шкаф, прятавшийся в стенной нише. Там было собрано... Когда-то Мирэй на его недоумение пояснила, что там – хлам, остатки от разных непонятных артефактов, привозимых для Кленореля из «кругов явлений». Железки, стекляшки и прочие непонятные штуквинки, которые получившему их исследователю не были нужны абсолютно, выкидывать жалко, и он отчего-то решил, что у Мирэй им будет комфортно. А ей самой все равно – есть не просят, интереса не вызывают – что там приспособишь для целительства?

А вот Андрею сейчас стало интересно. Естественно, с первого взгляда ясно, что это именно хлам – перекрученный, обожженный, рваный, расплавленный... Пружинки, штыри, шарики, кубики, пирамидки... барахло стеклянное, напоминающее стеклянное, встречалось и пластмассовое, из совершенно неизвестных материалов. Но увлекательно, как в детстве на бабушкином чердаке! Искал он вполне определенные вещи: прозрачную призму, линзы, трубки. Как ни странно, кое-что нашел, разворошив и перемешав почти всё, что было там на полках. Поэкспериментировал у светлого окна. Не спектрограф... далеко не он, но «радугу» выдал под определенным углом. А что – брызги воды у фонтанов и водопадов то же делают! Развлекался, не обращая внимания на редкие ехидные замечания лекарки. Время подходило к визиту хозяина.

– Мирэй, а можно заранее услышать подход главного контролера? Кстати, мне еще позволено на «ты»?

– Кого? Позволено... Не издевайся, а?

Андрей заметил, что часто, задавая уточняющие вопросы на непонятные выражения, вернее, на выражения с непонятными словами, магиня тут же сама улавливала смысл сказанного.

– Легко, как ты тут недавно сказал. Между этим кабинетом и тем, где хозяин нас принимает, находится обширная лаборатория. Там властвует его помощник, не удивляйся, это человек абсолютно не от мира сего. В основном алхимик, чем он еще занимается, знает только он сам да Кленорель. Не выносит никакого общества. Живет с женой, такой же нелюдимкой, рядом – в пристройке. Продукты им доставляют с главной кухни, готовят сами. А может и не готовят, а так едят, я знаю? В общем, контролер сначала заходит туда. Из коридора. Причуды есть у всякого: в остальное-то время – прямо из кабинета. Так этот заход слышен отсюда. А тебе зачем?

– Не «тебе», а нам. Поставь на стол вот этот контейнер со светофильтрами. Как услышишь Кленореля, притворись, как всегда, что работаешь. Да, давай-ка я сам шары размещу в коробке.

«Как Однажды Жак Звонарь Головой Сломал Фонарь» – эта формула больше нравилась Малову, чем про охотника и фазана. Установил шарики в этом радужном порядке, белый – позади.

– Почему так? – вот здесь любопытство Мирэй к месту.

– По кочану, госпожа! Не злись, объясню вам сразу обоим, иначе подозрительно.

Мирэй только вздохнула да губами шевельнула, будто не видно, что рвется из неё ненормативная лексика!

Андрей услышал, как в коридоре хлопнула дверь, целительница включила красный шар и уставилась внутрь пациента.

– Мирэй, и белый шар зажги, будь добра!

Мирэй безразлично кивнула, дотронулась до шарика и обалдела: остальные, безмолвные до того, шесть фильтров замерцали самостоятельно.

– Что это? Андрей, почему это?

– Не отвлекайся по пустякам...

Вошел контролер. Без стука, естественно, – хозяин! Окинул кабинет строгим взглядом, задержал его на куче хлама у распотрошенного шкафа, дернул уголок рта, но ничего на это не сказал, а обратился к Мирэй.

– Есть ли просьбы, жалобы, помощница? – и откуда набрался формализма, администратор магов? Мало тебе ежедневных отчетов! – Чем заняты? Как успехи у подопечного?

И застыл, неверяще уставившись на ряд огоньков.

– Мирэй, почему в таком порядке установлены шары, и почему горят в контейнере все сразу?

– А я откуда знаю, это как раз подопечный сделал...

– Андрей, почему ты поставил фильтры именно так?

– Случайно, – бросил тот равнодушно.

Маги посмотрели на него с изумлением – как это он осмелился врать в их присутствии?

– Случайно у окна посмотрел на две стекляшки и увидел вот такой цветовой ряд. Он мне понравился, вот я его и повторил. Можете сами глянуть...

Кленорель бросился к подоконнику, трясущимися руками стал хвататься за стекляшки, ничего не соображая.

– Показывай! Немедленно! – приказал он почему-то шепотом.

Андрей показал, жалко, что ли?

– Случайно... Ага, случайно... Все бы так... Ведь это вот оно... – забормотал невнятно. – Я это забираю, а вы можете так же продолжать, но больше об этом никому ни слова! Поняли? – Никому, вплоть до красного бога!

И вымелся, приобретя багровый цвет физиономии.

– Повезло дураку! – прокомментировал Малов. – Впрочем, дуракам всегда везет, это я себя имею ввиду.

– Отчего же это? – зловеще спросила Мирэй.

– Да оттого, что пока я говорил и показывал, вы оба не смотрели в мою голову, а там как раз было много интересного, особенно для хозяина.

– Это ты по поводу своего серого тумана, что ли? Пусть Кленорель расстраивается, мне-то ты сам расскажешь. Могу я на это надеяться?

– Пока нет. Сама смотри, мне рассказывать приказа не было.

– Не доверяешь, что ли?

– Мирэй, не надо снова заводить старые песни, а? Я и так много сказал. А чтобы сильно доверять, нужны сильные основания – вот их пока не вижу. Из-за тайны твоей, кстати.

– Ладно... – Мирэй вздохнула почему-то очень тяжело. – Не доверяешь про голову, может, ты и прав. А про шары? Кленорель отныне не знаю, сколько времени ни тебя, ни меня видеть не захочет! Мы свободны – так он говорит каждый день! Про шары-то можно услышать? Я ведь тоже в такие случайности не верю.

Любопытство оказалось сильнее разочарования, надо же!

– Слушай тогда. Вы тут веками наблюдаете небесные сияния, сами разобщились в соответствии с цветами энергии и, видимо, не задавались простеньким вопросом: откуда эти цветные цвета берутся. Собственно, это естественно – чего спрашивать о том, что и так очевидно: цвета ниоткуда не берутся, а просто они есть. Мирэй, а здесь после дождей бывает радуга?

– Бывает, всегда люблюсь, такая красота!

– «Любуюсь!» – передразнил Андрей. – Вот где своё непомерное любопытство включать-то надо! Я тоже знаю, что это красиво, но не только это. Я ведь вам с Кленорелем в стекляшках эту радугу и показал. А чего это ты не веришь – давай повторим, найду, небось, еще игрушек.

– Не надо, верю. И что? Ну, радуга, ну цвета там... При чем всё остальное?

– А да, о главном забыл. Цвета в радуге располагаются только в таком порядке. – Малов показал на контейнер. – Только в таком, и ни в каком ином!

– Ёлки-палки! – раскрыла рот и глаза Мирэй. – Это ж, может, то, над чем хозяин и бьётся, как муха о стекло? А что ему раньше-то мешало? Перетасовывай себе эти семь цветов, отмечай, записывай, может же случайно и такой вариант выпасть.

– Выпадет обязательно, и выпадал неоднократно, и что? Он же ищет не просто порядок цветов, а зависимость между ними от степени агрессивности магов, точнее, наоборот. А это уже другой коленкор в смысле затрат сил и времени – это ж сколько нужно иметь разноцветных магов, чтобы вывести хоть приблизительно верную формулу. Да и маги-то... – Андрей хмыкнул. – Взять хоть тебя, красную... Взять?

Мирэй покраснела, чего лектор «не заметил».

– А теперь самое главное, Мирэй. Располагаются они так, потому что это – свойство белого света. Точнее, солнечного, но уж тут... может, просто совпадение, может, не только солнечного.

– То есть? Белый тут при чем?

– Он тут при всём, магиня красная. Специально тебя сейчас так назвал, чтобы ты призадумалась. Белый цвет не простой в буквальном смысле. Он сложный и состоит как раз из всех остальных.

– Не поняла?

– Блондинку не включай... Погаси белый шар. Где мерцание остальных? Зажги снова и любой из цветных. Опять не поняла? Откуда взялась радуга в стекляшке? Солнечный свет через линзу попал на призму и распался. Почему это происходит, объяснять долго, да и не важно это. Важен факт. Тот именно факт, что белый цвет – основной.

– Ладно, здесь призма, а как же настоящая радуга? Там-то как?

– Да также! Только роль призмы выполняют мельчайшие капельки воды после дождя. Ты видела радугу без дождя-то? Хотя, может, и видела у какого-нибудь фонтана.

– Так, очень интересно! Кленорелю бы ты это рассказал... А мне зачем, я простая лекарка. Хотя, ты на что-то намекал, когда красной меня обозвал? погоди-ка, дай-ка подумать...

Мирэй стала необычайно серьезной, нервно замельтешила по кабинету, то включая, то гася «радугу» на столе. То проводя ладошкой по Андреевой башке. Неожиданно замерла, положив руку на белый шар и пристально глядя на подопечного.

– Ты хочешь сказать, безумный, что белые маги...

– Продолжай, продолжай, простая лекарка!

– Не перебивай, прошу... Эти маги в своих энергоузлах имеют уже, – она провела пальцем над всем рядом фильтров. – И значит, могут пополнять энергию в любом цвете? Может, её будет меньше, но она есть всегда. И какой маг сможет сравниться с белым? Андрей, мне почему-то страшно! Откуда ты свалился на мою голову, а?

Мирэй хорошо знала хозяина – он пропал для мира в своей лаборатории. Малов тренировал бойцов, не переставал работать на кухне, наточил поварихам ножики в кузнице своим способом с применением термопары – Архен целый день не мог вернуть на место челюсть. Строил ему с семейством баньку с парной. Практиковался в лечебнице, обманывал веселых

целительниц. У них, к счастью, начали помаленьку складываться серьезные отношения с бойцами, у которых контракт контрактом, а по семейной жизни скучали же! Выходить из помещений стало небезопасно: то Клара с ножиками накинется, требуя тренировок, то Забель с дукарой: желаю уроков, то бородачи, менестрели стихийные. Хоть они-то объединились с Забель... То кузнец с молотком, то Марвина с пирожком...

Все же главным для себя Малов определил тщательное изучение возможностей наркоза – на Тьёре на то времени не хватило. То, что он может стать сильнейшим оружием, это очевидно. Но... Можно ли его применять массово – «по площади»? На каком расстоянии? Какой формы может быть эта «площадь» – круглая, кольцевая, квадратная? Как нужно, и можно ли регулировать силу его применения – от легкого сна, даже просто заторможенности до летального исхода? Или, скажем, анабиоза! И так далее... Почти на все вопросы ответы отыскиались – главное, из луча удалось сотворить «покрывало» или «мантию», вот она и работала в массовом порядке. Она получалась разная – «мантией» Андрей это чудо назвал просто по первому действию – накрыть некую площадь. А так – хоть клубо-колобок, хоть серп, колечко, в общем, поддавалось трансформации это явление без труда. Так появились новые вопросы, например, если белая мантия – это не магия, то на какое расстояние она действует со свойствами видения местности и живых существ, сигнализации, манипулятора, оружия, лекарства, «руки», «уха» и всего остального? Искал ответы, пробовал немеряное число вариантов постоянно: ночью, во время сна, на приеме у Мирэй, на тренировках с наемниками, во время беготни по лесам.

Это сладкое слово – Свобода! Был такой старый фильм, на латиноамериканскую тему, кажется. Не важно, что не про Малова – он не в тюрьме все-таки, хоть в определенных рамках, но свобода имеется. Как у слона в вольере! Даже регистрации никто не требует, вот. Само собой, для начала в первый «забег» направился на восток – к границе. А что, если кому надо, пусть думает, что за бугор сбежать намылился. Получалось, что до Волчанки они двигались пару часов, и приехали к той же границе, хоть и к северу от лечебницы. Что, трудно было карту с собой взять? Ладно, сегодня задача – начать знакомить персонал лечебницы с неизбывной любовью к бродяжничеству. А еще проверить, насколько быстро можно двигаться здесь без дорог.

К югу, километрах в двадцати от поселка обнаружилось уютное лесное озеро. Вот там, по мнению всех, и проводил попаданец основное время, добывая для кухни свежую рыбу. На самом же деле нашел он на берегу огромный замшелый валун, на котором и оставлял все маячки: красный епископский, кленорельский тоже красный, желтый непонятно чей. Сам, как лось, изучал пути к замку барона Колерона, порой приближаясь к нему километров на десять. Ближе – почему-то опасался, хотя нужный сигнал шел именно оттуда – Андрей в этом убедился, включая пеленгатор с разных сторон. Но мало ли, что там происходит! В конце концов этот маячок мог и ловушкой оказаться – один Малов что ли умный такой – снимать с себя метки и развешивать их на кого попало? Искал варианты отправить туда разведку. А сам проверил всю дорогу до замка от лечебницы – действительно, километров полтора. Он принципиально не желал пользоваться здешними мерами расстояний, ещё не хватало по этому поводу голову ломать! Либо в часах – езда лошадях, либо в километрах, а переводить английский фунты в русские пуды – только для разговоров. Попаданец тут не на постоянное место жительства определен. Нашел и наиболее подходящие места для засад – мало ли, вдруг пригодятся.

Трувим вернулся, как и рассчитывали, на седьмой день после выхода. Отыскал его Андрей в казарме, где тот выслушивал отчеты десятников. Увидев Малова, тут же всех отпустил. От избытка чувств чуть не раздавил ему плечи. Указал на кресло. Присел сам.

– Рассказываю. Мы просчитали верно. Дорога в Боровое делает огромный крюк, огибая горы с волколаками, то есть поворачивает на северо-запад, затем – опять на север. Ко второму повороту от Поселка есть прямой двухдневный переход. Но рисковать мы не стали, и, догнав обоз, двигались чуть позади, держа путников на расстоянии прямой видимости. Разведка у меня была как обычно, поэтому красных обнаружили вовремя. Их было всего пять. Это для нас «всего», да и то... без твоего оружия пришлось бы тяжело. Сошли с дороги в перелесок и ускорились. И были, признаюсь, сомнения в задаче красных, маленькие, но были. Поэтому дождались, пока они ринулись к обозу. Не стали мы, Андрей, рисковать и, вообще, тянуть кота за... усы. Включили с Марком – это десятник, которому я верю, как себе – твои амулеты, на этом и завершили дело. Думаешь, неправильно? Я теперь тоже так думаю, но тогда... Я же вспомнил всё, что тебе рассказывал, а кроме того, у меня к церковникам красным и свои претензии. Извини. А думаю я, что надо было узнать, куда они детей-то увозят, чтобы именно то с... гадское гнездо разорить. Еще и поэтому злой нынче на себя. Вот кинжалы, спасибо. Спрашивать о них ничего не буду, сам расскажешь, если захочешь. О прошедшем – всё, – Трувим тяжело вздохнул. – Да, проводили немного обоз, мало ли... Брату приятеля строго наказал: девчонку чтобы спрятали, будет кто интересоваться – в пути никаких происшествий не было, а где ребенок, спросят, так чтобы посылали всех на... и запоминали любопытных. Красных отвезли подальше, сожгли. Следы все уничтожили – на это имею специальные амулеты. Вот теперь точно всё. Вроде.

– Кинжалы ваши, командир, как и обещал. Медилена никто не обнаружит, собственно, о нём знаешь только ты.

– Марк! – крикнул Трувим через дверь. – Марк, зайди сюда! Вручи сам, Андрей, приятней будет бойцу.

Зашел десятник – молодой совсем парень, что в этом мире не говорит ни о слабости, ни об отсутствии опыта. Наоборот – тоже справедливо. Тут свои мерки. Трувим кивнул ему на кресло.

– Марк, – спросил Андрей, – по-твоему, нормальное оружие?

Взял кинжал в руку. Марк улыбнулся.

– Шутишь, Андрей! Этому кинжалу цены нет, даже и без камней!

– Ну, если смог пользовался и оценил, кинжал – твой!

Протянул парню клинок. Марк даже зажмурился.

– Даже и не верится... Спасибо!

– Командир, думаю, Марк в курсе всего, что связано с вашим... с вашей экскурсией? – кивнули оба. – Тогда, может, перейдем к будущему? Хотя бы в первом приближении. Надо будет решать, что дальше делать.

– А чего тут долго решать, а? – загорячился десятник. – Придавить надо сразу всю эту ё... эту свору непотребную! Не люди они, хуже волколаков, грязней!

– Прав ты, Марк, – не стал Малов ждать мнения Трувима, знал его уже. – Значит, надо, во-первых, выяснить, где у этой своры основное логово, а, главное, как лишить красных возможности создать новое. И одно ли оно, это логово? – приплыл такой очевидный вопрос.

– А... а разве это не Поселок? – удивился десятник. Но понял быстро, о чем речь. — ... сможем ли?

– Решимся идти до конца, так сможем! – это уже Трувим вступил. – В отряде мало найдется, кто на это не пойдет – я ведь людей подбирал, кроме всего прочего, и по отношению к церковникам. Вон Вартон – балабол, и ветер в голове, так у него большие претензии к церкви за семью, он – бастард одного из баронов с далекого запада. А мать была объявлена серой колдуньей. Надо говорить, что с ней стало? Знаю, что только случая ждет. Немного, конечно, бойцов... но Андреевы тренировки – ужесточу завтра же, поможешь?

– Ужесточить – нет. Силы надо копить, а не тратить впустую, вот усложнить с расчетом на небывалые ситуации – это пожалуйста. Завтра же нужно переделать площадку в полосу препятствий... нарисую с утра.

– С вечера, – жестко сказал Трувим. – Вот тебе пергамент и перо, говори и рисуй или наоборот, как хочешь. Кроме того, у тебя, вместе с оружием и бойцовскими умениями, есть еще, оказывается, мозги. Мне-то, к примеру, никогда не требовалось планировать ничего далекого, кроме конкретного сражения – в нападении ли, в осаде, не важно. Я наемник, к серому эти мысли, что там причиной или что после будет – да... и растереть. Я бы и тут, вспомни, Андрей, и тут, как и Марк, сходил бы к Поселку да растёр. Вот и давай, думай, бестолочь, как тебя кормилица называет... Ё-моё! Ужин уже полчаса, как должен быть. Люди ж голодные, Марвина убьет же сковородкой!

Малов выглянул за дверь. М-да... Казарма пуста. На такое способны только два человека. Уже способны. Чтоб, значит, и овцы сыты, и волки-командиры без помех пообщались. Кажется, Андрей с этими людьми знаком.

– Не переживай, Трувим. Ты просто еще не в курсе, что все магини-лекарки уже свои в твоём отряде. Готовься свадьбы играть. Не останутся теперь бойцы голодными, хоть ты их в ямы сажай – найдутся спасительницы. Причем, заметь, это только на серьезных отношениях. Ладно, для начала поставим себя на место начальника пятерки красных шестерок: подчиненные не только не выполнили задания, но и сами исчезли! Марк, вот что бы ты делал, если, например, те же гонцы были из твоего десятка и не вернулись?

– Как что? Доложил бы командиру и отправился на поиски.

– Не нашел, дальше?

– Ну, снова командиру надо доложить, порядок есть порядок.

– Трувим?

– Взгрел бы для начала Марка, а потом перепроверил бы сам – я все-таки в ответе за каждого бойца отряда.

– Тут ключевое слово «в ответе». А если по барабану – подумаешь, пропали, еще найдем!

– Даже, если, как ты говоришь «по барабану», таких сразу не найдешь. Даже слабые красные воины-маги на дороге не валяются. Сразу пять пропало без следа – да такого просто быть не могло! Точно будут искать!

– Стало быть, дело в масштабах поиска и проверки: можно ведь просто пройти по следам пятерки и утереться, но, если епископ человек серьезный, а я в этом уверен, прикажет и глубже копать, а то и сам подключится. А глубже – это, во-первых, то, что вы предусмотрели: расспросы в Боровом. Там – ноль. Другой конец клубка – здесь.

Андрея прервали Марвина с Мирэй, злые и с едой. Последнему мужчины обрадовались, а злость у обеих дам ушла, обнаружив серьезные физиономии.

– Все поужинали! – заявила Марвина. – А вы какого...

– Не заводись, Марвина! – Мирэй сходу поняла, что разговор тут слишком важный, чтобы мелочами доставать. Можно и схлопотать, несмотря, что женщины. – Пусть сидят, командиры всё-таки, а с голоду теперь не помрут. Пошли, не будем мешать.

– Мирэй, задержись на минуту, один вопрос, если можно, – попросил Малов магину, указав на кресло. – Есть вопрос, который, возможно, будет скоро задавать епископ Андруа, который, опять же – возможно, должен вскорости появиться здесь. Мирэй, извини, подробности рассказать не можем. Речь идет о том послании, что ты передала Трувиму перед его отъездом, помнишь? А вопрос, который может звучать по-разному, будет примерно такой: кто знал о том, что находится в послании? Мирэй, ты в курсе того, что там было изложено?

– Точно – нет, но догадаться не трудно, Кленорель составлял его при мне.

– Почему?

– Так я сообщила ему, что девочка с признаками красной магии выздоровела и завтра должна отправиться домой в сопровождении родственника и трех односельчан. Такая информация – дело срочное, но обычное. Я обязана это делать всякий раз, когда в лечебницу попадает такой человек, не только ребенок. На моей памяти это было... сейчас вспомню... ну, не меньше десятка раз. А что?

– А ты кому-либо, кроме Кленореля, говорила об этом? Может, чисто случайно обмолвилась? Подругам, к примеру?

– Нет. Так всё-таки...

– Нет, Мирэй, пойми нас правильно. Действительно, кое-что случилось, но тебе не нужно об этом знать. Во всяком случае, пока – до разговора с епископом. И кстати если ты не видела, что именно писал Кленорель, стало быть, и не знала, что в письме. Так и нужно отвечать, не раскрывая своих догадок и предположений, хоть они трижды верны, договорились? – Мирэй кивнула, глядя на мужчин настороженно. – Тогда всё пока, беги. Спасибо за ужин.

– Давайте продолжим разговор о предполагаемом визите епископа. По цепочке... Кленорель составил послание. Передал его Мирэй, что в нем, знала она?

– Нет.

– Передала Трувиму, ты знал?

– Нет.

– Дальше – гонцы. Знали?

– Нет.

– Кто-то из вас двоих, или гонцов, мог прочесть?

– Нет, запечатано личной печатью мага Кленореля. При попытке сломать – уничтожается.

– Здесь тупик. Значит, начнем поиски по другому пути. Где находился отряд стражи, весь до последнего бойца? Командир?

– А это зачем?

– Кто-то же ликвидировал пятерку воинов, красных притом. Это мог сделать только более сильный, либо умением, либо числом. Будем искать таких по всей округе. Мало ли отрядов наемников! Или мало? Я не в курсе...

– Хватает, почему мало, не мы одни так зарабатываем.

– Вот и начнем с вас, раз уж мы тут. Так где были ваши люди в день пропажи?

– То есть, три дня назад? – уточнил Марк.

– Марк, ты понимаешь, что своим вопросом подписал себе смертный приговор?

Двое уставились недоуменно.

– Ты, вообще, откуда знаешь, что я, епископ, ищу, и кто пропал? А ты даже знаешь, когда произошло событие!

– М-да... – покрутил головой Трувим. – Чую, проблемы могут возникнуть, если епископ такой умный и настырный, как Андрей. Думать надо крепко! С остальными-то порядок, а вот участники...

– С участниками остается одно. Хоть и не очень надежный способ, но, учитывая понимание парнями опасности, должен сработать. Пусть вместе с Марком вспомнят какое-либо свое дежурство на юге длительностью не менее шести дней. Были такие? Вспомнят и вобьют себе в головы, что в эти дни они и были на том дежурстве. Это понятно? Справятся? – командиры кивнули, хоть и не шибко уверенно. – Ладно, всё это на всякий случай. Думаю, епископу все-таки будет не до таких подробностей расследования, тем более, что наемники-бездари против воинов-магов – это кому в голову придет? Но успокаиваться будем после.

– Прикинем сроки. Считаем от вчерашнего: два дня от ликвидации красных, то есть за эти же два дня они должны были доставить ребенка в Поселок. Сегодняшний день – как обычно, отдаём на непредвиденные задержки, следующие три дня – поиски пропавших, тут же информация пойдет по амuletам связи. Стало быть, ждать нам епископа четыре дня, считая

начавшийся. Может, он, конечно, и задержится по прихоти своей, так для нас это только трата нервов.

В канун предполагаемой проверки, после обеда «оживший» хозяин начал процесс общения. В него поочередно невольно включались Миха, Трувим, Мирэй... еще, неизвестно, кто. Никто с Маловым не делился содержанием бесед, да и какое ему дело – у всех свои заботы.

В конце ужина Миха шепнул (у Андрея-то амулета связи нету), что вызывает в кабинет хозяин. Он поднялся – нельзя заставлять начальника ждать.

Хозяин, более тощий, чем обычно, непричесанный и нескрываемо расстроенный, долго всматривался в подопечного и молчал, шевеля по столу пальцами.

– Да, защита у тебя до сих пор никудышная... Рыбачишь помаленьку, значит, тренируешь стражу, значит, баньку построил – надо побывать, не видел таких. Какого Серого у меня не получается-то ни волколака! – вдруг взорвался. – А тут этот еще тот бездарь... Андрей, у меня к тебе пока два дела.

Умеют же маги успокаиваться, надо учесть.

– Порядок цветов, что ты обнаружил, точный – прогресс степени агрессивности магов совпадает. Ну и что? Кому это надо и что дает? Какого... я над этим мучился? У какого мага яйца краше? К Серому! У меня много чего не сделано в целительстве и... в, общем еще интересы имеются! Нашел тоже занятие! Ладно. Другое. Тогда, при просмотре твоих стекляшек, я обратил внимание, что на столе мерцали все семь шаров. Вот! – Кленорель водрузил на стол свой контейнер. – Если шары в разных местах кабинета, то загораются, как хочу: и вместе, и по отдельности. В контейнере – нет! Только по одному. У вас там – все сразу. Можешь объяснить?

– Объяснить – нет, мозги нужны для этого, а включить – легко! Ты помнишь сам-то, Кленорель, что там еще на столе было?

Маг закрыл глаза, наморщил лоб...

– Нет, не могу, не тем был занят... Так что там было?

– Белый шар за контейнером. Поставь и включи.

Все фильтры в контейнере тут же замерцали, как положено.

– Вот так вот, да? Вот так... – забормотал Кленорель. – Интересные, однако, могут быть объяснения, очень интересные. Белый шар ты зажег и поставил, где надо, тоже, конечно, случайно, да?

Андрей кивнул.

– Да, да... Тут случайно, у окна радугу увидел случайно, потому что стекляшки нужные под руку попали случайно... И, хотя других-то версий у меня нет и быть не может по поводу тебя, но чтобы я, экспериментатор, поверил в эти случайности? Ладно, подумаю еще, как тебя применить с твоими случайностями. Второе дело такое... – хозяин что-то вдруг засмутился, что ли? – Должен предупредить. Я знаю, что хозяйственник из меня никакой, так... Тягостно это даже. Хорошо, помощники тут имеются. Вижу, что с твоим присутствием даже некоторые... э... отношения поменялись. Вот. Не хотелось бы неприятностей. Нет, нет, не в местных дело! Завтра ожидается визит епископа Андруа. Тебя это не касается, может, он очередную проверку затеял. Проблема есть с его свитой. Есть там такой епископ Грудон. Дважды был тут и оба раза пытался э... наладить тесные отношения с магинями, в первую очередь с Мирэй. Это я так мягко выражаюсь, тебе понятно? Сволочь он, бабник, подлец и негодяй! – не выдержал, наконец, Кленорель. – Опасайся его! Главное, попробуй защитить женщин. У меня может и не получиться – просто занят буду с Андруа. Всё!

Информация о визите епископа провинции, естественно, просочилась «в люди». Всех это нервировало в разной степени. Малова – тоже: и по Мирэй, и по тайне наемников – по главному

поводу визита главы церкви. Судя по тому, что он прибывал лично, делу о пропаже воинов придавалось немалое значение. А, может, и не воинов, а ребенка-мага, кто знает!

Андрей сидел в кабинете Мирэй, лениво перебрасываясь с ней словами и жонглируя пятью светящимися шариками. Магиня бездумно наблюдала за мельканием «светлячков», до белизны сжав кулачки, и отвечала невпопад. Дверь распахнулась и осталась открытой. Вальяжно всплыла фигура в красном балахоне, увешанном золотыми цепями. Низкорослый молодой пухлый маг с красными щечками, приклеенной доброй улыбкой и черными злобно-равнодушными глазами. Страшными глазами... За ним – два мордоворота, вставшие по обе стороны двери.

– О, на месте красавица! – радостно хохотнул «гость». – Приятно, что ты здесь, может, решила добровольно уйти со мной?

На подопечного Мирэй он не обращал ровно никакого внимания. Не видел, похоже.

– Так что?

– Нет! – сквозь зубы бросила Мирэй. – Никогда! Ни за что!

– Что ж, печально! – не переставал улыбаться церковник. – Но и по-другому можно. Я обвиняю тебя и твоих лекарок в пособничестве серым! Взять её! – скомандовал он телохранителям. – Отвести в выделенные мне покои и не спускать глаз! Надеюсь, что и остальные доставлены.

Сопровождающие епископа лица качнулись вперед. Так и упали, не сделав шага – шарики весом были граммов по пятьдесят и в лоб каждому стукнули не слабо. Красный оглянулся, еще больше покраснел. Заметил Андрея наконец...

Он молча, пыхтя от злобы, вытащил из хламиды какой-то красный же амулет, но поднять руку не успел: Малов стукнул его по руке ребром ладони, мало ли что там за дрянь! Подхватил выпавшую игрушку, белым шаром выкачал из придурка всю энергию, сорвал с шеи то, что там висело, на всякий случай. Взял епископа рукой за шиворот, второй – сзади за... пусть за задницу и выкинул в коридор. Будто огромный шмат сырой глины упал!

Заметил, что Мирэй даже не успела шевельнуться.

– Красивый полет! – прозвучало из коридора. – Кто это его?

Вошел епископ Андруа в сопровождении Кленорея.

– А, найденыш! Жив еще! И смотрю, осваиваешься, уже успел женщину не поделить...

Из-за дверей завопило:

– Епископ! Обвиняю этого... в преступлении против красной церкви! Он напал на меня! Требую...

– Заткнитесь, Грудон! – грубо прервал Андруа. – В защите женщины лично от ваших посягательств не вижу признака преступления. Это ваши проблемы, можете сами наказать обидчика!

Малов подбросил в руке белый шар, взглянув на красную рожу – будешь наказывать? Не стал...

– Кроме того, – продолжил Андруа, – как это вы, Грудон, сильный якобы красный маг потерпели поражение от бездаря? Вот это – позор для церкви! О чем я и сообщу кардиналу, а сообщение передам вместе с вами. Готовьтесь, через десять минут, как освобожусь здесь, я вас переброшу в метрополию. И соберите своих отщепенцев, пока их тут за хамство не прибили. Хотя, если прибудут, буду только рад...

– Тварь! – вскрикнул Андрей, ухватил за ворот Грудона и вытащил его во двор.

Огляделся почти в панике, хотя в наемниках Трувима был уверен, тем более что вчера успели обговорить встречу, в частности, необходимость плотного пригляда за всем воинством епископа. И дежурство в лечебнице не менее, чем десятком. И постоянное нахождение в тра-

пезной – наверняка же нужно будет накормить «уставших» путников, гостеприимство как-никак! И наблюдение за всей территорией. Что могло случиться?

Слева, у трапезной, где в плотном кольце «наших» сбились в кучу с десятков приезжих, особого шума не было. А вот справа, у лечебницы скандал слышался, и можно было разглядеть еще десяток отморозков, рвущихся к открытым дверям, которые защищали несколько наемников. У порога лежал человек, над ним склонилась одна из магинь, значит, кто-то из парней пострадал, хорошо, если не смертельно. Мелькали и лязгали мечи...

Швырнув в пыль епископа и пнув его куда попало, бросился в ту сторону. Расстояние было небольшим – метров пятьдесят, так что, сделав пару десятков быстрых шагов, начал швырять ножи. Пока невольно щадил, хоть и знал, что зря: целью были ноги. Охранники церковников – в кольчугах до середины бёдер.

Пока приблизился вплотную, на обеих ногах остался один, но, видимо, как раз главарь этой группы. Он успел понять, что остальные ему не помощники, и отскочил назад, но не сбежал.

Андрей подошел к лежащему: Шиман, зараза, с бледным лицом, головой на коленках у ревущей Клары. Вот почему в таких ситуациях женщины, вместо срочных действий предпочитают терять время в слезах? Осмотрел десятника – жив, рана с внешней стороны левого бедра и, скорей всего, глубокая... Лечить же надо!

– Клара! – заорал Малов. – Опомнись, ненормальная! Давай его в палату, и лечите быстро! Ты лекарка или мокрая курица!?

Девчонка с испугом вздрогнула, но опомнилась быстро. Да видимо, и времени с момента ранения прошло немного – отревелась, так, помрачение нашло при виде своего раненого парня. Ладно, двое помогли занести Шимана внутрь здания. Рядом с Андреем – Вартон, еще четверо своих. Напротив – стонущие и молчащие нападавшие на земле, кроме одного. Этот злобно уставился на обидчика.

– Ты кто такой? Ты ранил охранников церкви, пойдёшь на костер!

– Заткнись, пока жив!

– Чего? – взвыл бандит, поднял меч и упал с ножом в глазу.

– Всем бросить оружие! Может, останетесь живыми. Быстро! – лежащие и сидящие отшвырнули своё железо. – Вартон, собираем трофеи! А вы, встали! Нечего притворяться, прыгайте на одной ноге в сторону своего начальника!

«Начальник» так и валялся, чуть дергаясь и подвывая.

– Идем все к трапезной, прихватив епископа, там тоже что-то назревает.

Бойцы ухватили за руки Грудона, так и поволокли.

– Вартон, тут-то как прошляпили?

А так... Законы Мэрфи границ не имеют, даже космических! «Если можно что-то сделать неправильно, это будет сделано!». Парни дежурили в нижнем холле, закрыв дверь на засов. Сидели за столом в центре помещения, ждали. А когда раздался грохот, мимо двери проходила на кухню одна из проходящих поселковых санитарок, она и отбросила засов – никто моргнуть не успел. Эту тетку тут же прихватили и вытащили напавшие, она, естественно, завопила. Шиман выскочил следом и нарвался на удар. Сразу и остальные выметнулись, остановив атаку и вернув женщину домой. Тут и Клара...

Ёлки ж палки! Ведь совсем без крови можно было, если б лекарки могли и, главное, хотели применять своё оружие – наркоз! Когда уже начнёт попаданец расставаться с секретами?

У трапезной толпа грозно молчала, ожидая какой-то развязки. Бойцы Трувима окружили десяток охраны епископа. Но начинать активные действия не спешили, оружия не обнажали. Андрей взглядом показал своим, что делать, они взяли епископа за руки-ноги, раскачали

и швырнули через головы в толпу «красных». Кого-то он повалил, но его никто не стал ни ловить, ни поднимать – так и продолжал корчиться среди своих. Малов пробрался к Трувиму.

– Представляешь, их решили покормить! – быстро объяснил ситуацию командир. – Так вон тот лоб, – указал он на здорового охранника, – сходу начал приставать к Марвине, причем, в словах не стеснялся. Я его вызвал, он отказался, ссылаясь на принадлежность к церкви. Хотя при чем тут она? Тогда мы их вышибли наружу, стоим вот минут пять. Прибить бы – так вроде охрана красных церковников. Как бы не враждуем настолько открыто.

– Трувим, а то, что они наших женщин оскорбляют, это не повод для «прибить»? Тем более что епископ Андруа, как я понял, и не против такого исхода!

– Вот как... Ты, скотина трусливая! – ткнул командир пальцем в сторону здоровяка. – Будешь перед женщиной извиняться?

Того даже перекосило, морда налилась кровью, бешенство отрубilo мозги напрочь.

– Чтобы я? Воин церкви? Перед какой-то... – он выхватил меч.

Только Андрей успел прыгнуть. Ухватил идиота за руку и вышвырнул его за пределы внешнего круга. Меч кротко звякнул по земле.

– Этого – повесить! – спокойно указал на него Трувим.

Четверо подхватили охранника и поволокли за здание. Только сейчас до того дошло, что всё настолько серьезно, он завопил, дергаясь, но слов было не разобрать.

– Всех остальных ждет та же участь, если немедленно не бросите оружия!

Бросили, конечно. Бандиты, но погибать вот так зазря – не дураки, в отличие от некоторых. Трувим приказал поднять епископа, бойцы окружили всех и направились к входу в главное здание, где уже маячил Андруа.

Он брезгливо оглядел свою «свиту», открыл ворота на площадь неизвестного города (а какой известен-то?), указал туда стаду охранников. Затем, кивнув Кленорелю, сам ушел другим путем.

Из дверей вылетела Мирэй, бросилась к Малову, прижалась.

– Спасибо, Андрей! Только как ты сумел... с магом-то?

– Мирэй, дорогая, давай об этом чуть позже, ладно?

Подошел Кленорель.

– Странно как-то! – пробормотал он вполголоса. – Задал несколько дурацких вопросов мне и Мирэй по поводу письма. Тут я получил известие, что сюда направляется барон Колерон, и епископ почему-то заторопился домой. Странно... Но неприятность успел мне сообщить: через три месяца заканчивается срок аренды этой лечебницы, церковь продолжать её не намерена – нету средств, видите ли! Скоты! Стало быть, мы все должны сами решать, что дальше делать. Думай, Андрей – ты в наиболее незащищенном положении, – вздохнул Кленорель и ушел к себе.

Время малых перемен

Оказалось, барон Колерон выдвинулся из своего замка еще с рассветом, так что с минуты на минуту должен появиться. Малова не очень интересовало, зачем он сюда направляется – мало ли, его же территория! А вот некая возможность начала контакта с владельцем маячка – намечалась. Упускать её нельзя.

В обсуждении происшедшего, разного рода предположениях, помощи в излечении Шимана да успокоении Марвины время прошло совершенно незримо.

Колерон оказался очень крепким молоджавым мужчиной лет сорока, с волевым, словно вырубленным лицом. Правда вырубленным очень аккуратно и снабженным ярко-синими глазами. В причёске – ни одного седого волоса. Одет по-походному просто: рубаша, жилет, свободные брюки, крепкие сапоги, небольшого размера шляпа – всё коричневых тонов. Меч, пара кинжалов... Осанка, манера держаться, походка выдавали в нем воина. И он был маг, красный и совсем не слабый. Показалось, что он именно из тех «боевиков», кто кое-что может и без амулетов. Охрана – два десятка воинов. Эти, правда, в кольчугах, со щитами. А кому нужны случайные дорожные неприятности, пусть и на своей земле?

Сходу вызвала уважение хозяйственная жилка Колерона. До посещения лечебницы он успел «проинспектировать» поселок – в смысле, налоги ведь от торговли и прочей деятельности ему какие-то поступали. Как хозяин мог не проверить эту сторону жизни подданных? То же «учинил» и в лечебнице: хозяйство, наемники и прочий народ, за исключением Кленорея и целительниц – их деятельность входила в договор аренды с епископом. Тем не менее он встретился и с ними. Более того, он и начал с Кленорея, еще по пути прознав о пребывании епископа Андруа. Как понял Андрей со слов «прошедших собеседование», того же Михи или Трувима, Колерон на этот раз интересовался в лечебнице не только и не столько текущими делами, сколько дальнейшими личными перспективами людей. Кленорель наверняка ведь обрисовал печальное будущее лечебницы. Андрей отнюдь не рассчитывал на личную встречу – кто он такой для барона? Абсолютный нуль, не наемник даже.

Однако почти ошибся. Почти – это разговор с бароном, состоявшийся после ужина в присутствии Трувима. Собственно, это он и пригласил Малова на беседу по инициативе барона, которому «очень любопытно посмотреть вблизи на витязя – героя трактирных баллад и сплетен...».

Разместились с удобствами у камина в гостиной временных покоев Колерона. Не без вездесущих кувшинов, понятно.

– Приветствую истребителя волколаков! – скупой улыбнулся барон. – Не против пообщаться? Спрашиваю, потому что ты не мой подданный, вправе и отказаться. Тем более, не буду скрывать, есть у меня несколько... как бы выразиться... приватных, что ли вопросов.

– Поговорить – отчего бы нет? А вопросы – они всякие бывают, иные можно и не заметить, не так?

– Верно. Разговор может всяко сложиться. Я вот Трувима специально пригласил, как гаранта моей правдивости – ты ведь сам не можешь еще отличать правду от лжи?

Андрей согласно кивнул – это по поводу разговора вообще, а правда и ложь – тут и наврать можно было, что Колерон заметил бы непременно..

– Кроме того, не хотелось бы, чтобы окружающие думали о каких-то слишком уж секретных переговорах барона с... найденышем. Не обижаешься? Вот пусть Трувим и будет сегодня для отвода глаз. А секретности не исключены.

Все пригубили вина, и Колерон, чуть помолчав, продолжил.

– Вообще, Андрей, для начала не удивляйся, что я решил с тобой переговорить – есть на то несколько причин. Одна, не главная – это с какой стати при моем появлении так поспешил

отсюда епископ Андруа. Вроде у нас с ним особых разногласий пока не было, чего не скажешь о его прямом начальстве – вот с тем у меня – да! Но это так... Может, к слову придется... Давай, договоримся на сегодня перейти на «ты», несмотря на мой возраст и положение. Иначе мне лично как-то неудобно – мы не в официальной обстановке, согласен? Теперь имей в виду, что твои песенные подвиги, хоть и любопытны в смысле масштабов истины, но для меня не столь важны, как другое... Ты, надеюсь, заметил, что я – неслабый маг?

– Колерон в беседах с тобой сильно преувеличил мои возможности. Как я мог это обнаружить? Если ты маг, так загляни мне в голову.

Вот огромный плюс барону – это отсутствие несанкционированных попыток осмотра собеседника.

– Действительно... – пробормотал Колерон. – И никакой защиты. Почему? Мало вокруг «установщиков»?

– А зачем?

– То есть? Вдруг кто-то захочет глянуть против твоего желания?

– Не жалко, пробуй!

Барон быстро прошелся по Андреевым мозгам, ничего особенного не обнаружил – это Андрей так думал, подобрался к «срытню», сделал попытку в него проникнуть. И получил чувствительный удар, откинувшись затылком на высокую спинку кресла.

– Во как! А насчет предупредить?

– А насчет «против желания»?

– Логично! – барон коротко хохотнул и продолжил. – Да, Трувим, ты уж извини, что не вовлекаем в разговор, про кубок не забывай. Андрей, ты настолько беззащитен, что такой опасливый маг, как я, может и напугаться. Особенно... Скажи, кто-нибудь обратил внимание на то, что ты, бездарь, уделал Грудона – он идиот, но маг неслабый, да и амулетов на нем было небось немеряно.

– Внимание? Как минимум, Андруа осудил за это Грудона. Другие... – Андрей пожал плечами. – Не знаю. Там, собственно, и были-то только Кленорель с Мирэй. Правда, Мирэй уже умудрилась про это спросить. А что?

– Да как это что! – вскинулся Колерон.

Трувим только взглянул искоса, чувствовалось, он давно начал понимать кое-что.

– Как «что»? Мне сейчас по барабану Грудон, хоть он и будет мстить. До того же места и Андруа – но этот опомнится и заинтересуется тобой плотно. И не здесь, а вытянет к себе. Я считаю, что тебе пропадать у церковников нельзя с такими способностями. Может, ты их, действительно, не знаешь, может, притворяешься – правда, я этого не ощущаю. Пойми, того, что произошло, произойти не могло, будь ты хоть сто раз истребитель волколаков и еще Серый знает кто! Ты – не маг! Мне показали картинки с разных сторон – вышвырнутый тобой из здания Грудон был пуст!

Колерон в возбуждении вскочил, опрокинул в себя кубок, помотался по комнате... – И на что ты способен еще, а?

– А каков, барон, ежегодный доход с твоего баронства, а?

– Серый... Это еще к чему? А... Ну да, понял, влез не в свою миску...

– Это верно, но только отчасти, поскольку я, действительно, не знаю, на что способен, ясно? Откуда я это мог узнать? У кого спросить? Только в случайных делах и становится известным кое-что: волколаки появились – драться умею, Марвина – дрова рубить, доски строгать, Трувим со своими – вино хлестать, дукарта нашлась – песни пою, Грудон нарвался – еще что-то вспомнил. Может быть... Я не прав?

– Может быть, как ты говоришь. Очень может быть... – Колерон впал в задумчивость. – Но я не только о твоих способностях – хотя они тоже подвигли меня к этому разговору. Я уже в курсе того, что лечебница ликвидируется, то есть остается фактически без средств со сто-

роны церкви. Честно, хотелось бы что-то предложить тем, кто лишается заработка, но... Благотворительностью заниматься не принято, тем более по отношению к абсолютно здоровым и самостоятельным личностям. Не совсем самостоятельными я бы назвал Кленорея – он весь в своей науке, да тебя – нету корней. По магу – не знаю, темы его исследований, о которых мне известно, мне абсолютно не интересны, пусть думает. К тебе же у меня есть предложение, даже второе появилось во время беседы. Первое – служба в отряде баронства. Это постоянная основа с жалованьем, естественно. Хоть до смерти служи. Недостаток тот же – отсутствие собственной... базы, что ли: дома, земли, семьи, работы – того, что позволяет человеку жить самостоятельно. В этом смысле более определенным будет второе предложение – обеспечение полной охраны моего баронского замка. Я не считаю имеющуюся защиту недостаточной, но и иллюзиями не страдаю. У меня хватает врагов, но об этом можно и потом. Наша же общая привычка к сравнительно долгой спокойной жизни порой затмевает взгляд на действия окружающих. Так что тут будет нужна и внешняя разведка, и магическая поддержка... да мало ли чего нужно! Важно, что ты на все это, я уверен, способен взглянуть со стороны – при том не исключено, что сможешь что-то еще вспомнить. Не так? А выгоды – при стабильной работе и нормальном заработке можно подумать и о собственном хозяйстве, пусть для начала, и на земле баронства. Вот это, думаю, на сей момент – главное.

Малов, собственно, тоже так думал с первого дня пребывания здесь – легализация просто необходима, без неё и шагу не сделать в направлении планируемых поисков. Да вообще, ни шагу и в прямом смысле.

– Благодарю, Колерон! Предложения, действительно, важные и своевременные. Думается, нужна некая последовательность – зачем лишние сплетни по поводу необъяснимого решения барона – человек-то ему вовсе не знаком. Потому на некоторое время я войду в состав отряда Трувима, если он не будет возражать, затем с ним перейду к тебе в замок, если ты, конечно, наймешь хотя бы часть нынешнего отряда.

Собеседники одновременно согласно кивнули.

– Ну, а далее – по твоим прикидкам. Я ведь и осмотреться чуть-чуть успею в рассуждении второго предложения. Сейчас-то даже не представляю места службы.

– Так и надо представить, чего время терять! – вдруг заговорил Трувим. – Вот прямо сейчас давайте и сходим втроем, пока в голове весело. А то тут снова банкет собирается по поводу нынешних Андреевых подвигов – разве Вартон с Шиманом упустят такой случай? А мне, если честно, уже не очень хочется. Хотя у Андрея могут быть и свои... соображения, его там наверняка кое-кто ожидает.

– Вот именно, – закручинился Малов. – Ожидает... И пыточные инструменты заготовлены – надо же выяснить непонятки с Грудонем! Я бы лучше, действительно, проветрился. Так романтично – выразилась бы Забель – ночью три здоровых мужика, слегка трезвые, врываются в замок – туши свет! Через стены полезем после ночной скачки, барон?

Тут Андрей и узнал еще кое-что о «вратах»... пусть о порталах. С этими амулетами предков не смогли разобраться никакие маги. В отличие от «переговорников». Врата, давным-давно найденные в обнаруженных развалинах, руинах старых сооружений, были наперечёт. То есть ныне они принадлежали только представителям высшей власти – светской и церковной. За очень редкими исключениями. Нет, как объяснил Колерон, амулетом мог владеть любой – так ты его найди! Находили лет... неизвестно сколько назад. И продавали. Амулет врат стоил баронства, а то и двух – в зависимости от места расположения последних.

У Колерона, оказывается, такой амулет был. Его дедушка получил «врата» по пьянке от отца нынешнего короля «за спасение на водах». Отмечая славную победу на охоте, король с ближними соратниками решил искупаться в дворцовом пруду. И сняв с себя всё, кроме кольчуги, прыгнул в воду с парашюта. Плашмя. Когда дед Колерона поднял короля, вода, оказалось, едва достигала пояса. Тем не менее... В тот момент на шее спасенного, кроме «врат», ничего

не было, и они очутились на дедушке Колерона. Вот так. Может, в запасниках королей и мало было таких раритетов, однако, требовать взад... Невместно. Но, все-таки, опять же Колерон не скрыл, что нынешний кардинал пытался однажды... как бы выкупить, что ли... Не по чину вроде барону иметь такое. И стал амулет еще одной причиной многолетней вражды.

«Вратами» и перешли. Увидел Малов, что портал – он и есть портал, хоть вратами, хоть калиткой его назови. Увидел – в смысле, что читал и слышал об этом явлении. А также и сам недавно пользовался с успехом. Более того был и у него подобный амулет, правда, с другой планеты – ещё проверить его не удосужился: вдруг тут не действует? Потому оказалось не внове, что нужна была картинка места выхода. Или координаты, как раньше.

Замок спал. Почти...

Встреча с Бенедиктом, как он представился, началась скучно, если иначе, – по-деловому, с взаимными подозрениями. Понятно, что первым делом необходимо было убрать недоверие. Мало ли! Хоть Трувим и намекал на крайне негативное отношение Колерона к красным церковникам, что в свою очередь означало такое же отношение к ним Бенедикта, но и кроме них, наверное, можно найти, кому Малова сдать. За сто лет люди меняются.

Бенедикт же, со своей стороны, тоже не знал, кто перед ним такой, с какими целями тут оказался. Поначалу решил, что это такая же жертва катастрофы, как и он. А мог бы подумать, что шпион от «власти». Хотя знака не было... Хотя вдруг научились маскировать...

Но разобрались в конце концов. Подробный разговор не требует подробного пересказа – слишком много было эмоций, а если коротко...

Во-первых, Андрей выдал пострадавшему белый накопитель, полный под завязку. Необходимость этого обнаружилась сразу – Бенедикт выглядел «краше в гроб кладут». Последние двадцать лет он вообще не выходил из замка, да и раньше-то только раз побывал у «закапсулированных» исследователей на дальнем западе у черного кольца. На разговор их вызвал с огромным трудом, каким-то образом убедив, что он – один из древних.

Так вот, это быстрое старение организма Бенедикта было вызвано огромным дефицитом белой субстанции. А то, что энергосборник принимал другие цвета, просто помогло прожить столько лет. Пожалуй, именно подарок стал причиной ликвидации его недоверия.

Выслушав историю Малова, он сообщил некоторые неизвестные факты по отношению «древних» к этой Земле. Как-то, видимо упустил некоторые подробности, пославший сюда Андрея Палыч. Бывает. Особенно в той неожиданной спешке.

А выводы Бенедикта были довольно странными и местами неутешительными, даже страшными. Выложил он их сразу, будто боясь не успеть рассказать о наболевшем хоть кому понимающему. Главное – он перестал верить в то, что «противники» хотели уничтожить планету! Появились подозрения, что катаклизм был организован с другой целью. С какой? А, например, кому-то нужно было просто лишить Землю всякой разумной жизни! Чтобы занять её самому. Или «самим». И, в принципе, это получилось, просто вкралась в расчеты ошибка по времени.

– Ты посмотри, Андрей, – возбуждённо говорил Бенедикт, – это разложение белого света на составные, в принципе, смертельно для тех, кто оставался в живых. Если бы белый свет был ликвидирован полностью и одномоментно, не выжил бы никто! Но не произошло ни того, ни другого. Выжившие приспособились к восприятию света других цветов. Заметь, что в местах особой концентрации какого-либо цвета во времена «свечения» сосредоточились для обитания разумные именно с подходящими энергоузлами! Или сами узлы изменились, приспособились, мутировали. И живут разумные! С огромным трудом переносят длительное пребывание в других местах, но в своих зонах – живут! Что-то во время взрыва пошло не так. Но на сколь долго такая жизнь? Притом, чувствую опять же, что появление второго в год свечения – иницировано извне. Кому-то удалось проникнуть и изменить работу второго накопителя! Я ведь

обращаю внимание на мелочи, которые для местных становятся привычными и не вызывают особых опасений. Пока. А если и есть умные, типа Андруа, кто им верит, и, главное, что они могут сделать? Сам-то Андруа молчит совсем, для него тоже главное – власть, а не спасение мира. Ты уже знаешь, что на одного мужчину приходится четыре женщины? А кто это сосчитал? И когда? Последнему крестьянину известно это соотношение – один к четырем. Зачем это ему, крестьянину, знать? Ладно, пусть так. На сегодняшний день половина из этих четверых – бесплодны. А когда я здесь оказался, таковой была одна из четырех. Третья часть мужчин сейчас – такая же! Сто лет назад это были единичные случаи. И они лечились что у женщин, что у мужчин. Нынче – нет, маги бессильны.

Это было только одно из многих «открытий» Бенедикта. Дальше он рассказал о «потере интереса» к изучению ситуации на планете со стороны соплеменников. Причем с обеих сторон. Когда в свое время он «висел» на орбите, «наших» станций было порядка сотни и еще – десяток от «группы власти». Сейчас он наблюдает десяток своих (а не о том ли Палыч говорил?), да мелькает всего одна станция противника. Значит, интерес пропал? Это могло случиться по двум причинам. Главное – уверенность в том, что планета не развалится. То, что Малов оказался здесь – ни о чем не говорит, кроме, разве того, что не все команды «сверху» вовремя доходят до исполнителей. Или по каким-то причинам игнорируются. А во-вторых, если подозрения о зачистке планеты верны, то ведь действуют обычные старые методики обнаружения и контроля разумной жизни на планетах. Они и показали, что процесс вымирания разумных всё-таки идет, и нечего зря суетиться – всего-то подождать... А при этих темпах – пара столетий, не более! На вопрос типа «а наши-то, наши почему остановились?» Бенедикт только передёрнул плечами.

Вот такими мыслями Бенедикт кое-что в Андреевой голове поцарапал, переложил с места на место, а может, включил. Точнее – доцарапал, ведь и Палыч подозревал уже нечто подобное. Но оттуда, с Земли, с орбиты, с научных баз можно только предположения делать, а тут – всё перед глазами! Во всяком случае, после долгих обсуждений всяких вариантов (всяких, но не всех, конечно!) они пришли к выводу, что Малову следует побывать на экваторе, а затем, возможно, и на другой стороне «черного кольца». На экваторе не там, где уже были красные, например, – что время терять, а сразу – в дальнюю точку – на восток. Пусть дальше, но получится быстрее. Оказалось, что за долгие годы пребывания в этом мире Бенедикту удалось наладить кое-какую информационную сеть. Не без помощи Колерона, отец которого спас от гибели Бенедикта, а после сам погиб от красных церковников. Отчего у Колерона нынешнего к ним имеется неоплаченный счет. Пикантность ситуации в том, что главный красный кардинал в метрополии – родной брат отца. Правда, родственные связи того не спасли, хоть ныне кардинал всяко старался убедить племянника в своей непричастности к трагедии. Племянник не верил и не просто ждал момента отомстить, но готовился к тому. В этом Малов готов был помочь, особенно, после маленькой информации об одарённых детях. Так Бенедикту стало известно, что «красные», как минимум, однажды отправляли к экватору экспедицию, в которой, скорей всего, задействовали одного из земных посланцев по «спасению» планеты. Андрею вспомнился рассказ Палыча о передвижениях последнего попаданца, недолгих маршрутах предыдущих, гнев епископа Андруа по поводу потери чужака... Итогом той экспедиции стала абсолютно засекреченная информация и полная физическая ликвидация всех её участников, кроме руководителя – одного из красных епископов, о котором тоже сейчас ничего не известно. (А ведь это всё Малов уже слышал непосредственно от епископа Андруа!).

Причиной отправки к экватору кораблей, и очень возможно, не только из королевства Северных Островов, были банальные предсказания, без которых не обходится ни одно средневековье. В данном случае – сплетенные с легендами и мифами о сотворении мира. Естественно, что появлялись эти сказания после катаклизма, но без «отголосков» из прошлых времен не обошлось. Чем иначе объяснишь огромное наличие древних строений, механиз-

мов, предметов, таинственных отшельников... Итак, основной, главенствующей версией стала догма о «вечной бесконечной многоцветной пустоте», обладающей непостижимым разумом. Следовательно, и творящей непостижимые человеческому разуму деяния. Пустота эта раскидала на необозримых пространствах жаркие звезды и холодные планеты, дала им жизнь и расцветила её яркими красками. Земля – это плод любви Солнца и Сола, которые вместе кружили в небесах и не уставали заботиться о своих детях. Однако Сола, обнаружив однажды, что у Земли существует Тень, а там – непривычная приятная прохлада, стала часто уходить туда на время, не скрывая своего нового увлечения от Солнца. В конце концов, привыкнув к Тени, полюбив её, она перестала возвращаться к свету. Солнце было выше мелких обид и попыталось честно поделить Землю между Солой и собой. Только Тень, получив от Сола частичку разума, решила забрать себе «всё имущество». Короткая, но жестокая драка завершилась появлением на Земле Черного Кольца, непреодолимого для людей. А Солнце с Солой по очереди обозревают результаты своей размолвки. Попытки примирения вызывают возмущение и негодование Тени, разум которой стал для людей Серым богом. Соле люди перестали поклоняться за её предательство, поменяли ей имя. Солнце же осталось символом жизни, но разум его приобрел разные оттенки – необходимые там, где живут на земле принимающие их. И Бог Солнца, и Серый Бог, привлекающий до сих пор на свою сторону Сола, дают разумным на Земле силы и разнообразные способности, в магии в том числе, для жизни. Только Серый не прекращает попытки погрузить всю Землю в Тень, а Солнце не в силах без помощи людей справиться с Черным Кольцом, чтобы остановить Серого. Как следы жестоких столкновений богов вспыхивают над землей невидимые простым взглядом сияния и остаются в цветных и серых кругах, опорных пунктах противников, – втянутые против своей воли разумные и неразумные существа.

Легенды, сказания, мифы давным-давно обросли множеством подробностей, добрых и злых героев, батальных и бытовых эпизодов и сцен. А дальше идут предсказания, предрекающие широкий спектр действий богов, людей, а также неисчислимое разнообразие результатов – от конца света до всеобщего благоденствия. Как обычно, как везде... Кто хочет, тот верит. Кто сильно верит и хочет, тот действует. Скрывая при этом от других предсказания, счастливые для себя.

И так вышло, что практически всем известным коронованным династиям и церковным верхушкам как-то по сердцу стали обещания беспредельной власти на Земле. Всего-то нужно было отправиться к месту пересечения Черного Кольца с Полуденной чертой, отыскать средоточия цветов и взять символ власти. Некоторые ясновидцы утверждают, правда, что там, наоборот, нужно оставить часть символа своей власти, но эти детали должны быть проверены на месте. Главное – добраться! А тут предсказатели в один голос ставят еще условие: непременно в составе искателей и уполномоченных от претендентов на мировое господство должен присутствовать разумный, найденный в «кругу явлений».

Стало быть, могут и Андрея к такому путешествию готовить. Причем красные – это понятно, он у них объявился. А вот откуда в теле обозначился желтый знак... Хотя какая разница – откуда, главное, можно предположить – зачем! Украдут, посадят или положат на корабль, да и повезут обеспечивать общемировую корону, не пахари же или торговцы имели возможность под носом у красных навесить этот маячок? На этом допущении и нужно останавливаться как на самом неприятном. Конечно, путь Малова в любом случае лежит к экватору, только под сплошным контролем, вплоть до отключения разума – оно надо? А из этого следует, что пора начинать поиск иных вариантов.

По переходу за Черное Кольцо мысли у Бенедикта тоже имелись. Он заметил, что где-то раз в девять-десять лет происходят сильнейшие выбросы красной энергии недалеко от «капсулы» исследователей в горах, расположенных на севере Королевства Северных островов, то есть красного государства. Именно исследователи-отшельники утверждали, что красные отправляли за кольцо своих людей. Видимо, не только потомки древних увлекались переки-

дыванием посланцев! Бенедикт пообещал выяснить у своих тайных знакомцев возможность «перелета» Андрея. О самих отшельниках, он сообщил, что до катастрофы они занимались изучением «третьего», «четвертого» и так далее – небес. Но после взрыва это оказалось невозможным, следовательно, приводит к деградации населения – жизнь стала абсолютно бессмысленной. Консерваторы, как и везде, требуют блюсти традиции, то есть, не рушить уединения и отстраненности от людских проблем. Новые поколения начали лелеять мысли о выходе в свет, чтобы своими знаниями хоть как-то продлить жизнь на планете. В том числе (или в первую очередь) и себе.

В итоге цели пребывания Малова в этом мире стали непонятней, но определенной по ближайшим планам. Первым шагом в «мир» должно стать расставание с лечебницей и с красными церковниками в целом. Второй шаг – легализация, он же должен здесь кем-то быть! Колерон, конечно, подтвердил предложение поступить к нему на службу. Однако за вечерними посиделками к двум благодетелям явилась другая мысль.

Речь зашла о бывшем баронстве Трувима. Оказалось, что в соседнем «желтом» королевстве Дренция, что через речку от Колерона, почти сто лет проводится королевский турнир «Свободное баронство». Раз в три года король выставляет как приз три пограничных земельных владения – проводит ротацию пограничников, так сказать. А что – какой-то смысл есть: будучи освобожден от всяких законных поборов со стороны короля, естественно, постараться свою землю защитить. Желаящие стать баронами встречаются на поединках, победители получают титул барона – навсегда, и землю с замком и поселениями в придачу – на три года. Трувим таковым стал на позапрошлом турнире, после вынужден был оставить землю, к которой начал привыкать. Обидно, но таковы эти странные условия: не хочешь – не лезь! Собственно, подавляющая часть претендентов идет на турнир именно из-за титула. Жажда стать «благородным» неутолима. Хотя некоторые, как Трувим, например, получали приз с надеждой каким-то образом продлить сроки владения – были лазейки. У командира не получилось вот... Однако речь о том, что сейчас бароны вспомнили про дату турнира, которая выпадала на этот год. По королевскому указу он проводится в дни весеннего равноденствия. То есть, почти через два месяца.

И, если Андрей постарается, потренируется, то вполне может рассчитывать на баронство. Трувим ввернул сомнение в необходимости особых тренировок, мол, Андрей и так всех там одной левой... Ну, перебрал уже слегка командир, кто его осудит? А совсем Малова убедил в нужности этого действа Колерон, который сообщил, что одно из выставляемых в этом году призом баронство Грин Фрэй – как раз напротив его поместья на другом берегу Сильной. Еще одно – соседнее, чуть южнее, а третье – далеко на юге Дренции, оно не особо интересно. Хотя, по-любому, титул тоже дает.

После вопроса, на что жить ему, барону, выяснилось, что, кроме денежного приза и обычных доходов с земли и ремесел, в Дренции более щадящее отношение к владельцам медилены: никого за него не казнят, и существует купля-продажа.

М-да... Один не очень трезвый визит в замок барон Колерона, и столько... планов, скажем так.

Эти полтора месяца пролетели для Андрея незаметно. На территории лечебницы установилось такое нервное спокойствие. Все ощущали неожиданные предсказуемые перемены. Для одних – местных, вроде семьи Марвины, перемены означали возврат к прежней жизни. Для наёмников – нужно было решать, как и где жить дальше. У каждого из них свои проблемы. Один десяток перейдет к Колерону, пятеро северных крестьян вернутся домой, а остальные? Трудней всего, наверно, было целительницам. Узнал попаданец, что все девушки были сиротами и появились здесь после окончания одной из монастырских школ. Одна-две из них, может, смогут остаться и продолжать лечить. Хорошо еще, что вроде у всех определилась лич-

ная жизнь – как ни крути, а вдвоем-то, семьей практически, всё легче определяться с дальнейшей жизнью. Хотя и тут могут быть сложности, если «базы» нет. Вот Мирэй... У Андрея с ней, возможно, и могло что-то ускориться в смысле объединения, однако её желтая отметина и скрытая аура заставляли быть очень осторожным. Так что никакого сближения пока не случилось и вряд ли случится – Андрей был не против «подыграть», но не более. Несмотря на Марвинины осуждения, в которых «бесчувственный чурбан» и «бессердечный пенёк» были самыми мягкими. Посещения рабочего кабинета не стали более редкими, но ничего не меняли. А взгляды... Перетерпится. Малов давно уже выгреб, с её позволения, почти все магические шары – проводил с ними разные эксперименты. С Грудонимом опыт успешным оказался. На вопросы Мирэй по этому поводу уходил в несознанию. Естественно, она неоднократно пыталась Андрея «расколоть», но он просто свалил всё на свою скорость и неожиданность нападения для епископа. А то, что не сработали его амулеты – чьи проблемы? Пусть вон Кленорель объясняет... Ему самому несладко приходилось – искать пристанище этому фанату-бессребреннику тоже было нужно. И он ведь никому не признавался ни в своих жизненных сложностях, ни в научных пристрастиях, ни в основе отношений с епископом Андруа – ни в чём. Хотя Трувим как-то намекнул, что у этого мага вроде целое поместье имеется, только с родственниками сложные отношения. Но разберется, когда уж совсем припрет.

Андрей стал нередко бывать у Колерона, вел неспешные беседы с Бенедиктом. Тому удалось выяснить через баронских осведомителей, что красные, оказывается, организовывали в разное время не одну, а несколько морских экспедиций! Сколько точно – сведения не совпадали, но никак не меньше трех. И не больше десяти – ничего разброс? И что удивительно – никакой информации о результатах не было! То есть вообще никакой – не удалось даже отыскать никого из экипажей кораблей! А руководители походов – все из верхушки церкви – были скрыты в тайных монастырях. А может, и под ними. Эх, потрясти бы дядю Колерона!

Еще Малов довольно долго сидел в библиотеке Колерона – весьма обширном книгохранилище. Надеялся, что в будущем ознакомится с содержимым плотнее, а сейчас нужны география и законодательство королевства Дренция – не хочется совсем уж невежей быть на королевском турнире, мало ли какие споры могут случиться... Пример Виктора Мальцева был жив и ярок. И случайно обнаружил следы одного старого исследования. В некоторых источниках упоминался некий красный маг Фанторель, живший около четырехсот лет назад и с группой близких друзей совершивший на маленьком паруснике путешествие к экватору. По туманным намекам, ему удалось пройти чуть ли не все расстояние между восточной и западной сторонами Кольца. И он оставил после себя путевой дневник! В единственном магическом экземпляре, который и спрятал качественно. Попутчиков же попросил сочинить несколько фальсификаций и передать их в известные королевские и церковные библиотеки, выдав каждую «куклу» за оригинал. После чего они всей командой удалились в тихий монастырь, где и завершили земное путешествие. Вот это тайна! Небось отдельные корононосители, а уж тем более церковники копали, грызли, шерстили... Натура человеческая: нету никакой информации, и нету, сами поищем, что нужно. Но, если уж чего-то имеется типа пиратской карты кладов, надо из кожи вылезти, других вытряхнуть из неё в буквальном смысле, но карту отыскать. Именно – карту, невзирая на траты времени. Не хватало еще – где-то карта завалилась, а мы сами должны искать, нет уж!

О предполагаемом участии Андрея в турнире, разумеется, знали все в лечебнице. Скрывать это было ни к чему – чего особенного? Ясно, что ему нужно хоть как-то обозначить себя в мире – кто этого не понимал? А еще Трувим, зная о турнирных правилах, подготовил «группу сопровождения и охраны» в количестве тринадцати парней и двух магинь – Забель и Клары, которые не могли отпустить беззащитных Керка и Шимана. Вот тут уже в полной тайне от всего остального населения этот отряд дал Андрею клятву верности. На высказанное недоумение,

Трувим доходчиво объяснил, что теперь иномирец может не скрывать свои странности и способности – никто из пятнадцати просто не сумеет «проболтаться», даже случайно!

К великому удивлению всех пятнадцати Андрей произнес ответную клятву.

– Не было такого нигде, чтобы командир бойцам клятву давал, – с сомнением говорил Трувим. – И так понятно, что он за них в ответе, и что они ему верят, если идут с ним... И как бы... – командир замялся.

– Он всегда выше их во всех отношениях и верит им не очень, раз они клянутся. Так? – продолжил Андрей прямую, как извилина в мозгу комара, мысль.

– Да как по-другому то?

– Не по-другому, а иначе, уловил разницу?

Формулу, пусть слегка отдающую... излишним пафосом что ли? – Малов придумал сам. Ещё на земле, когда с друзьями не однажды рисковали жизнями. Это была их личная клятва, которую одобрили и новые их друзья-наёмники. А кому какое дело, если здесь само понятие «клятва» намного серьезней всяких «подписок о неразглашении»!

«Живым – достойная жизнь, честно павшим – слава и память, за погибших – месть!» – всё это очень близко и понятно воинам-единомышленникам, среди которых командир на равных в смыслах клятвы.

И на самом деле это решало многие проблемы. К примеру, Андрей первым делом сделал «электрическую» заточку всему оружию группы – от мечей до кинжалов и стилетов. Метательных ножей это не коснулось – велика возможность утери. Затратил в кузне два полных дня, но дело результата стоило, хотя бы ради того только, чтобы увидеть обалдевшие физиономии «группы сопровождения». Оружие здесь – далеко не игрушка или украшение, это гарантия целостности человека! Себе же, кроме мечей для обеих рук, он улучшил меч прямой полуторник – из иллюстраций к косморыцарским романам, нравилось чисто по-детски вот такое: плавно сужающийся к острию клинок с двусторонней заточкой, лезвием льдисто-голубоватого свечения, несколько вычурная крестовина-гарда, шершавая рукоять с простеньким рубином в навершии. Главное – неубиваемый медилен с вечной остротой и очень персональная привязка вплоть до возможности самостоятельного сопротивления «желающим заиметь».

– Вот так! – удовлетворенно заметил Трувим. – Надеюсь, если у кого были сомнения в необходимости клятвы, теперь они поубавились до нуля.

А дней за семь до выхода Мирэй неожиданно со слезами бросилась уговаривать Андрея отменить эту затею. Типа привиделось ей, что его ожидают очень крупные неприятности. После вопроса о подробностях просто помотала головой и убежала.

Желтые заботы

Двигалась группа, не особо торопясь, – время в запасе было. Рассчитали так, чтобы попасть к месту турнира накануне его начала до полудня, когда заканчивается регистрация участников. Но и зря времени не тратили: Андрей напивался разнообразной информацией от всех бойцов и магинь о географии, истории, обычаях окружающего мира, на привалах, наоборот, отряд использовал его на всю катушку. Истязал его отряд, если честно. Приемы рукопашного боя – для мужчин, хотя и Клара с Забель приобщались. Клара вообще за эти два цикла стала мастером метательных ножей. Целительницы наконец осознали, каким оружием они владеют. Долго приходили в себя, когда поняли разницу между магией и использованием свойств своего света. А другой подход к целительству вызвал бурю слез – результаты раньше могли быть... У любого лекаря неудачи случаются. И Малову самому нужно было натаскать их на применение наркоза в разных формах, которые он недавно искал до потери пульса. Как ни странно, в течение двух ночей магиням дважды удалось применить знания на практике. Трувим недоумевал – такого не бывало, чтобы на один отряд нападало столько волколаков! Горы, конечно, – тут их место укрытий, но чтобы к случайному отряду такое внимание... В первую ночь одно нападение в количестве полутора десятков особей, во вторую, перед самым рассветом – три десятка! От их магии помогли амулеты, поэтому бойцы не теряли скорости. Но, главное, девчонки сделали практически всё сами. В первый раз еще чувствовалась неуверенность, а последняя стая свалилась в пару мгновений. Живых Трувим не оставил.

Недоумения Трувима несколько рассеялись, однако появились другие. У всех. После первого нападения Андрею с огромным трудом, но удалось влезть в башку одного «уходящего» зверя. Мешанина, каша, кавардак... Мгла, вихри и Серый знает что! И поверх – нечеткая, но без труда узнаваемая физиономия... Андрея! Как интересно... Понял, Трувим, причину внимания? При повторном нападении наиболее крупную тварь Малов повязал сам. Кстати увидел у неё меж лопаток то, что отличает человека от волколака, а, может, и от оборотня вообще, – тот, видимо, энергоузел, который обеспечивает преобразование организма. Размер – с грецкий орех, цвет – темно-туманный, по-другому не скажешь. В голове звериной ипостаси – та же муть. Как-то бы умудриться заставить его и перекинуться, и не дать умереть сразу. А какой, собственно, риск? – Не узнаю ничего, и так не знаю, не много убудет... Пережал канал связи узла с мозгом. Противно было смотреть вплотную на трансформацию, а что делать? Перед отбросом копыт здоровенный разряженный оборотень успел показать физиономию пожилого мужичка в серой рясе. Злую физиономию со злыми словами: «...воины твоей стаи не выполнили приказ владыки Штервона и не вернулись сами! Отправляй остальных и веди их сам, потому что если не сделают без тебя, ты уйдешь во мрак!»

Значит доказано, что нападения организованы неким Штервоном, владыкой притом, мать его! С целью чего-то там сделать с Андреем. Перво-наперво, конечно, не дать ему попасть на турнир. О дальнейшем надо бы со Штервоном посоветоваться... Наверное, и у этого неведомого владыки такое же желание возникнет. О чем Малов и сообщил бойцам с прогнозом на продолжение разнообразного к ним внимания. Привыкшие к риску, люди не высказали ни малейшего удивления или недоверия. О невнятном предупреждении Мирэй знали все. Откуда только она знала? Не позавидуешь ей – приказа бойцам не задавать ей вопросов после турнира Андрей отдать не мог, в честь чего это?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.